

ПЕРМСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

1 и 16 чиселъ.

№ 5.

Цѣна годовому изданію съ пересылкой брошюроезному 6 р. 50 к. и не брош. 6 руб.

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣд. при брат. св. Стефана

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:—Отчетъ о состояніи Пермскаго епархіальнаго женскаго училища за 1895—96 учебный годъ по учебно-воспитательной части (Продолженіе).—Благословеніе Святѣйшаго Синода.—Перемены по службѣ.—Праздныя мѣста.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Пермскаго епархіальнаго женскаго училища за 1895—96 уч. годъ по учебно-воспитательной части.

(Продолженіе).

д) Продолжительность учебного года и время экзаменовъ. Отчетный учебный годъ начался съ 16 августа. Съ 16 по 21 августа были произведены испытанія вновь поступающимъ, а равно переэкзаменовки тѣмъ воспитанницамъ, которыя на экзаменахъ передъ каникулами получили неудовлетворительныя отмѣтки изъ нѣкоторыхъ предметовъ, и которымъ разрѣшено было Совѣтомъ училища держать переэкзаменовку послѣ ваката. 22 августа произведенъ былъ медицинскій осмотръ вновь принятымъ въ училище. 23 числа, по совершеніи молебнаго пѣнія предъ началомъ ученія, начались и классныя занятія.

Всѣхъ дѣтей представлено было къ пріемнымъ испытаніямъ 89, изъ нихъ принято въ I кл.—47, во II кл.—2, въ III кл.—3, въ IV кл.—1 и въ V кл.—1, всего 54; прочимъ въ пріемъ отказано, изъ нихъ 15 свѣтскаго званія за неимѣніемъ вакансій, другимъ какъ

невыдержавшимъ испытанія. Въ теченіе года пять воспитанницъ оставили училище по прошенію; ко времени экзаменовъ всѣхъ воспитанницъ было 241, а именно въ I кл. — 48, во II кл. — 47, въ III кл. — 39, въ IV кл. — 46, въ V кл. — 31 и въ VI кл. — 30. Выпускныя испытанія производились съ 1 по 23 мая съ освобожденіемъ въ дни торжественнаго празднованія Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, согласно росписанію, составленному инспекторомъ классовъ, разсмотрѣнному Совѣтомъ училища и утвержденному Его Преосвященствомъ. Испытанія производились комиссіями, въ составъ которыхъ входили: предсѣдатель совѣта, начальница училища, инспекторъ классовъ, одинъ или два члена совѣта отъ духовенства, преподаватель предмета, по которому производилось испытаніе и преподаватель-ассистентъ.

(Продолженіе будетъ).

Благословеніе Святѣйшаго Синода.

Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ января 1897 года за № 166, преподано благословеніе за пожертвованія и другія по духовному вѣдомству заслуги *съ выдачею грамотъ*: крестьянину Александровскаго завода, Красноуфимскаго уѣзда, Мирону Поликарпову Пасхину, Кунгурскому 2 гильдіи купцу Андрею Прохорову Чулошникову, Пермскому 2 гильдіи купцу Александру Иванову Сыропятову, бывшему церковному старостѣ Ново-Меркушинской церкви, Оханскаго уѣзда, крестьянину Георгію Сергѣеву Цаплину и крестьянину Вятской губерніи Слободскаго уѣзда, Константину Ильину Назарову; *безъ грамотъ*: церковному старостѣ Молебской православной церкви, Красноуфимскаго уѣзда, крестьянину Θεодору Иванову Малелину и крестьянину Острожской волости, Оханскаго уѣзда, Θεодору Тимофееву Голубеву.

ПЕРЕМѢНЫ ПО СЛУЖБѢ.

Перемѣнъ по службѣ въ составѣ причтовъ церквей Пермской епархіи съ 16 по 26 февраля с. г. не было.

ПРАЗДНЫЯ МѢСТА.

Праздныя мѣста священническія, діаконскія и псаломщическія тѣ-же, что пропечатаны въ № 4 Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1897 г.

Редакторъ, секретарь консисторіи А. Свѣтловъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:—Протестантскій піетизмъ, какъ родоначальникъ южнорусскаго штундизма.—Расколъ въ предѣлахъ Савинскаго прихода (продолженіе).—Изъ жизни церковныхъ школъ Пермской епархіи.—Успенское церковно-приходское попечительство. Долгъ или любовь.

Протестантскій піетизмъ, какъ родоначальникъ южнорусскаго штундизма.

Если кто и подвизается, не увѣличивается, если незаконно будетъ подвизаться (12 Тим. 2, 5). Эта священная мысль апостола представляетъ собою самый лучшій и вѣрнѣйшій эпиграфъ къ піетизму, представители и поборники котораго, при всей своей самоотверженной ревности къ христіанскому благочестію, не достигли прочныхъ и вѣрныхъ результатовъ и даже вопреки своихъ намѣреній и желаній, дали поводъ къ появленію разныхъ церковныхъ заблужденій и нестроений въ протестантствѣ. Чтобы яснѣе и определеннѣе понять, чего не доставало піетистамъ для выполненія истинно-христіанскихъ стремленій и желаній ихъ, мы считаемъ нужнымъ предварительно указать на тѣ законныя условія и правила, при соблюденіи которыхъ только и можетъ развиваться и возрастать истинное христіанское благочестіе.

Совершивъ благодатное дѣло спасенія и освященія человѣческаго рода своею брестною жертвою и основавъ церковь на землѣ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ даровалъ ей и на будущее время *вся божественныя силы, яже къ животу благочестію* (2 Петр. 1, 3). Онъ Самъ непосредственно избралъ Себѣ апостоловъ, которымъ лично внушалъ религіозно-правственныя истины во время своего мессіанскаго служенія, и наградилъ ихъ чрезвычайными дарованіями, чтобы они съ ревностію и успѣхомъ распространяли и утверждали на землѣ царство Божіе. Предъ вознесеніемъ Своимъ на небо Спаситель, какъ истинная и вѣчная Глава Своей церкви, обѣщаетъ таинственное Свое присутствіе въ ней до скончанія вѣка, но въ то же время видимое продолженіе своего мессіанскаго служенія возлагаетъ на апостоловъ и уполномочиваетъ ихъ Своими божественными правами: *яко же посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы, и сіе рекъ, дуну, и глагола имъ: при-*

мите Духъ Святъ, имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ и имъ же держите, держатся (Іоан. XX, 21--23); дадеся Ми всякая власть... шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа (Матѳ. XXVШ, 18—19). Послѣ сего сборъ апостоловъ, въ силу данной ему Божественной власти, какъ бы совершенно замѣняетъ собою для церкви лице Іисуса Христа и сосредоточиваетъ въ себѣ источникъ благодатнаго спасенія и освященія ея. Эту истину выразилъ Самъ Христосъ еще во время своей земной жизни, когда посылая апостоловъ на проповѣдь евангелія, сказалъ имъ: *слушай васъ, Мене слушаетъ: и отменяя васъ, Мене отменяетъ; отменяйся же Мене, отменяетъ посланнаго Мя* (Лук. X, 16). Такимъ образомъ, благодатное спасеніе и освященіе какъ всѣхъ вообще вѣрующихъ, такъ и каждаго въ частности, по ученію Самого Господа, стоитъ въ совершенной зависимости отъ церковной іерархіи, безъ посредства ея никто не можетъ войти въ общеніе съ Господомъ и получить отъ Него благодатныя силы для истинно-святой и богоугодной жизни; она назначена быть свѣтомъ, приводящимъ людей къ Богу и вмѣстѣ солью, предохраняющею тѣло церкви отъ нравственнаго растлѣнія (Матѳ. V, 13—14). Апостолы вполнѣ понимали свое чрезвычайное назначеніе, оправдывали его самымъ дѣломъ и доказывали своимъ ученіемъ. Апостолъ Павелъ говоритъ: *Той, т. е. Іисусъ Христосъ, далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учителя, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, къ созиданію тѣла Христова: дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сыни Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. IV, 12—13). Изъ этого изреченія и другихъ мѣстъ апостольскаго ученія видно, что апостолы на свое право учить и упраздять церковію смотрѣли какъ на исключительный божественный даръ, сообщенный имъ благодатнымъ дѣйствіемъ Св. Духа (Дѣян. 1, 2; 1 Кор. 15, 10; 1 Сол. 1, 5; Кор. 2, 4; 1 Тим. 4, 14; 2 Кор. 10, 8). Ту же самую благодатную силу они усвоили іерархической власти своихъ преемниковъ: *внимайте убо себѣ и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святыи постави епископы, пастыи церковъ Господа и Бога, юже стяжа кровію своею,*—сказалъ ап. Павелъ при прощаніи съ Ефесскими пастырями (Дѣян. 20, 28). Чтобы пастыри обазывались достойными носителями сего благодатнаго дара, чтобы нравственное вліяніе ихъ на пасомыхъ было плодотворнѣе и обяза-

тельнѣе для послѣднихъ, св. апостолы съ одной стороны выставляютъ высокій образъ благочестія, который церковная іерархія должна осуществлять въ своей жизни, а съ другой — предписываютъ правила, которыхъ она обязана держаться въ дѣлѣ управленія церковію (1 Тим. Ш, 2, 10; IV, 15, 16; Тит. 1, 6—10; 1 Петр. V, 2, 3; 2 Тим. IV, 2). Потомъ, желая еще болѣе доказать божественное учрежденіе церковной власти и священную важность ея въ дѣлѣ спасенія и нравственнаго руководства, апостолы внушали всѣмъ вѣрующимъ и даже обязывали ихъ повиноваться церковнымъ настоятелямъ. Апостолъ Павелъ говоритъ: *такъ насъ да нещуетъ человекъ, яко служу Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ. Повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь... Молимъ вы, братія, знайте (уважайте) труждающихся у васъ и настоятелей вашихъ о Господь* (1 Кор. IV, 1; Евр. 13, 17; 1 Сол. 5, 12, 13).

Наконецъ, онъ учитъ, что для правильного исполненія христіанскихъ обязанностей всѣ члены церкви должны соблюдать порядокъ и правила благочинія, чтобы не призванные въ іерархическія должности не имѣли притязаній на права ученія, священнодѣйствія и управленія церковнаго, и этимъ опять даетъ ясно знать, что только епископы и пресвитеры получили исключительную власть отъ Бога руководить вѣрующихъ къ благодатному спасенію и нравственному совершенству: *како проповѣдятъ, аще не послани будутъ? Еда вси апостоли? Еда вси пророцы? Еда вси учителя?* (1 Кор. 12, 29; Рим. 10, 15); *никто же самъ себѣ пріемлетъ честь, но званный отъ Бога, ако же и Ааронъ* (Евр. 5—4; Гал. 6—1).

И такъ, благочестіе, понимаемое въ христіанскомъ смыслѣ, по плану божественнаго домостроительства нашего спасенія, должно получать свою внутреннюю силу, повужденіе и направленіе изъ св. церкви. Чисто та и святость жизни христіанъ должны цѣниться потому, насколько они почтительны къ соборной, апостольской церкви и къ богоучрежденной іерархіи ея, насколько они вѣрны ученію ея и благоговѣйны къ таинствамъ и насколько, наконецъ, осуществляютъ правила и наставленія церковныя въ своей дѣятельности. Въ церкви, безъ покорнаго послушанія ея ученію и безъ участія въ священныхъ таинствахъ, какъ по прямому ученію слова Божія, такъ и по исповѣданію св. Отцевъ церкви, никто не можетъ имѣть истиннаго благочестія и быть живымъ и плодотворнымъ членомъ въ Христовомъ царствѣ (Матѣ. 18, 15—19). Въ цер-

бви нѣтъ ни слышанія, ни разумѣнія слова Божія; нѣтъ истиннаго Богопочтенія; не обрѣтается Христосъ; не сообщается Духъ Святой; смерть Спасителя не доставляетъ спасенія; нѣтъ трапезы Тѣла Христова; нѣтъ плодотворной молитвы; не можетъ быть ни спасительныхъ дѣлъ; ни истиннаго мучничества; ни высокой дѣвственности и чистоты; ни душеполезнаго поста; ни благословенія Божія“ (Прав. богословіе Препосвящ. Макарія § 170, стр. 273).

Исторія представляетъ намъ множество примѣровъ, что не только частныя лица, но и цѣлыя религіозныя общества вдавались въ самыя грубыя и дикія заблужденія какъ въ догматическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, когда они разрывали союзъ съ соборною апостольскою церковью и свои личныя религіозно-нравственныя понятія не повѣряли образомъ здраваго ученія, преданнаго апостолами послѣдующимъ своимъ преемникамъ (12 Тим. 1, 13). Самая, по видимому, искренняя ревность о святости христіанской жизни часто бывала причиною многихъ неразумныхъ фанатическихъ явленій въ христіанскомъ мірѣ, когда она не управлялась разумомъ вселенской церкви и начинала свое отпаденіе отъ нея рѣзкимъ протестомъ противъ церковной іерархіи, порицаніемъ древнихъ порядковъ и уставовъ церковныхъ и покушеніемъ создать новую церковь по своеобразнымъ представленіямъ и по личному пониманію слова Божія Монтанисты, требовавшіе отъ церкви аскетической нравственности и нападавшіе на церковную іерархію за милосердное снисхожденіе ея къ согрѣшившимъ, донатисты и новаціане, настаивавшіе на исключеніи изъ церкви падшихъ и несовершенныхъ и мечтавшіе создать ее изъ однихъ только чистыхъ и безгрѣшныхъ лицъ, кабары, анабаптисты, квакеры и другіе сектанты, стремившіеся осуществить въ своихъ обществахъ повнимаемый ими по своему идеалъ христіанской нравственности, никогда не достигали прочныхъ и вѣрныхъ результатовъ отъ своихъ предпріятій. Напротивъ, многіе изъ нихъ постоянно переходили отъ одного заблужденія къ другому, строжайшій аскетизмъ часто смѣняли на нравственную распущенность, доходили до такихъ нелѣпостей въ пониманіи слова Божія, до такихъ нестройныхъ въ нравственной дѣятельности, что все подобнаго рода религіозные реформаторы, дѣйствующіе независимо отъ вселенскаго церковнаго ученія и преданія, являются подобными мужу юродиву, который строить домъ свой на пескѣ. Все ихъ религіозно-нравственныя системы, неоснованныя на вѣрномъ и твердомъ пониманіи слова Божія, не сдѣла-

ленные авторитетомъ церковнаго преданія, имѣли большею частію кратковременное значеніе и не надолго привлекали къ себѣ умы и сердца людей. Съ теченіемъ времени онѣ между послѣдователями ихъ измѣнялись, и нерѣдко въ самыхъ основныхъ началахъ. Неограниченный произволъ въ пониманіи слова Божія, желаніе разнообразить религіозныя понятія и церковныя формы и примѣнить ихъ къ личному вкусу или духу времени всегда производили на нихъ разрушительное вліяніе.

И вотъ мы въ исторіи часто встрѣчаемъ, что въ тѣхъ религіозныхъ обществахъ, основатели которыхъ имѣли довольно правильныя понятія объ истинахъ и правилахъ христіанства, являлись впослѣдствіи лица совершенно противоположнаго направленія, искажали какъ ученіе своихъ предшественниковъ, такъ и самое евангеліе въ самомъ существѣ и доходили до невѣрія и антиномизма съ языческимъ характеромъ. Такъ извѣстно, что нѣкоторые изъ послѣдователей средневѣковаго мистицизма, который въ первыхъ представителяхъ своихъ выражался въ довольно чистой и благородной формѣ, доходили до самыхъ грубыхъ и вредныхъ заблужденій какъ въ догматическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Большинство изъ нихъ имѣло, повидимому, добрыя намѣренія—поставить свою церковь во внутреннюю связь съ первенствующимъ христіанствомъ и возвратиться къ формамъ его жизни. Но такъ какъ для изученія апостольскаго христіанства обращались не къ священному преданію и церковной исторіи, а къ одному только евангелію, толкуемому каждымъ по своему, и въ своемъ мистическомъ увлеченіи не допускали возможности ошибокъ, то они создали свое, а не первобытное евангельское и апостольское христіанство. Церковь, по мнѣнію ихъ, должна быть и есть свята во всѣхъ членахъ своихъ, потому что всѣ они наставляются живущимъ въ нихъ Духомъ Святымъ. Руководясь такими понятіями, они отвергали церковную іерархію, какъ ненужную въ дѣлѣ спасенія и нравственнаго усовершенствованія, потому что они самихъ себя представляли непосредственными причастниками даровъ Святаго Духа. Толкуя неправильно, подъ вліяніемъ мистицизма и аскетизма, идею евангельской любви и христіанскаго братства, они отвергали также гражданскую власть и на мѣсто стройныхъ политическихъ формъ жизни, управляемой чиновничествомъ и законами, вводили личный, ничѣмъ неограниченный произволъ. Грубо понимая истину всеприсутствія Божія и считая духъ человѣческой совершеннымъ отображеніемъ Божества, нѣкоторые изъ подоб-

ныхъ сектантовъ — мистиковъ, какъ бы въ опьяненіи своихъ чувствъ, принимали за выраженіе божественной жизни все, что ни дѣлаетъ человекъ — даже воровство, грабежъ, чувственныя вожделѣнія плоти, въ какой бы дурной формѣ они ни выражались. Все это и другое подобное сему дѣлалось также во имя того, что каждый человекъ носить въ себѣ Христа и въ каждой частицѣ хлѣба вкушаетъ тѣло Спасителя. Выходя изъ этого же ложнаго понятія о вездѣприсутствіи Божіемъ, одни изъ нихъ приходили даже къ тому заключенію, что Духъ Божій также выражается въ Овидіи, какъ въ Августинѣ и библии (Vovlesungen ueber Vesen und Geschichte der Reformation von Hagenbach. Leipzig. 1857 г.).

Такъ исторія убѣждаетъ насъ многовѣковыми и самыми разнообразными примѣрами, что „только въ церкви для цѣлаго міра показанъ одинъ путь къ спасенію; въ ней Богъ положилъ апостоловъ, пророковъ и учителей и всякое другое дѣланіе духовное, коего лишены всѣ, кои не приходятъ въ нее, но сами себя удаляютъ отъ истинной жизни своими худыми мыслями и еще худыми поступками“ (Ириней. Прот. ересей. Хр. чтеніе 1868. 1, 143). Всякій, отдѣляющійся отъ церкви, говоритъ святой Кипріанъ, присоединяется къ жень незаконной и дѣлается чуждымъ обѣтованій церкви; оставляющій церковь Христову лишаетъ себя наградъ, предопредѣленныхъ Христомъ. Онъ чуждъ для нея, онъ не потребенъ ей, онъ врагъ ея. Неимѣющій матерію церковь не можетъ имѣть отцемъ своимъ Бога. Господь въ наученіе наше говоритъ: *уже итъ съ Мною, на Мя есть, и уже не собираетъ со Мною расточаетъ* (Матѳ. 12, 30). (О единствѣ церкви въ Хр. чтен. 1837 г. 1, 27, 40).

Правда, нельзя отрицать и того, что самая церковная іерархія, надѣленная божественными дарами учительства, священнодѣйствія и управленія церковнаго, часто бывала и бываетъ соблазномъ для своей паствы, когда она не понимаетъ или не цѣнитъ своего великаго призванія, не имѣетъ внутренней силы благочестія и въ исправленіи своихъ обязанностей водится какими либо нечистыми и самолюбивыми грѣховными побужденіями. Какъ добрыя дѣла пастырей имѣютъ такое благотворное вліяніе на пасомыхъ, что эти послѣдніе, взирая на образъ жизни ихъ, невольно возбуждаются къ прославленію Отца Небеснаго (Матѳ. V, 16), возрастаютъ въ вѣрѣ ученію и священнодѣйствію церковному и ревнуютъ подражать примѣрамъ благочестія ихъ; такъ съ другой стороны не можетъ быть опаснѣе и сильнѣе нравственной за-

разы для паствы, когда настоятели ея служатъ не Богу, а мамонкѣ и предаются разнымъ порокамъ и низкимъ плотскимъ удовольствіямъ. Нечестіе ихъ располагаетъ къ невѣрію въ благодатныя силы таинствъ, преподаваемыхъ ими, и къ нерадѣнію о душевномъ спасеніи, — особенно тѣхъ христіанъ, которые не имѣютъ твердой и разумной вѣры. Спаситель, назвавъ въ одномъ мѣстѣ апостоловъ, а въ лицѣ ихъ всѣхъ христіанскихъ пастырей свѣтомъ и свѣтильниками (Матѳ. V, 14, 15), въ другомъ — сказалъ такъ: *свѣтильникъ тѣлу есть око; аще бо будетъ око твое просто, все тѣло твое свѣтло будетъ; аще ли око твое лукаво будетъ, все тѣло твое темно будетъ; сще убо свѣтъ, иже въ тебѣ, тма есть, то тма кольми?...* (Матѳ. VI, 22, 23). Если мы въ этихъ словахъ Господа, подъ именемъ ока, будемъ разумѣть церковную іерархію, а подъ именемъ тѣла церковную паству, и потомъ обратимъ вниманіе на исторію христіанства, — тогда увидимъ, что нравственное возвышеніе или паденіе христіанъ, чистота и святость религіозно-нравственныхъ стремленій, равно какъ и мѣра нечестія ихъ (т. е. христіанъ) дѣйствительно весьма часто зависѣли отъ того, каковы были пастыри церкви. Въ первыя времена христіанства, при пламенной и разумной ревности церковныхъ настоятелей о славѣ имени Христова, свѣтъ евангелія быстро и побѣдоносно проникалъ глубокій мракъ язычества и возбуждалъ всюду возвышенныя стремленія къ божественной истинѣ, чувства святой любви и блаженнаго упованія на Господа. Подражая примѣру своихъ пастырей, многіе члены церкви, для угожденія Богу, пренебрегали и жертвовали всѣми житейскими интересами, и благочестивыми подвигами ихъ имя Божіе сдѣлалось славнымъ даже между грубыми язычниками. Но когда эта торжествующая надъ всѣмъ земнымъ сила вѣры и благочестія ослабѣвала, или даже исчезала въ послѣдующихъ пастыряхъ церкви, когда эти послѣдніе относились къ своему дѣлу, какъ наемники, и извлекали изъ своей пастырской дѣятельности однѣ только мірскія выгоды; тогда и пасомые, потерявъ довѣріе къ ученію ихъ и, увлекаясь соблазнительными примѣрами жизни ихъ, предавались разнаго рода заблужденіямъ и порокамъ.

Впрочемъ, какъ ни велико зло для церкви, когда управляютъ ею недостойные пастыри, но оно меньше въ сравненіи съ тѣмъ, когда пасомые, соблазняясь недостатками или пороками священной власти, совершенно теряютъ вѣру въ божественное учрежденіе ея, не призна-

ють благодатныхъ силъ, дѣйствующихъ чрезъ нее, и потому оказываютъ ей совершенное непослушаніе. Анархія въ христіанскихъ обществахъ также вредна, какъ и въ политическихъ; она всегда была причиною глубокаго поврежденія евангельскаго ученія, взаимныхъ непримиримыхъ противорѣчій, раздоровъ и раздѣленій. Это, кажется, всего яснѣе доказываетъ собою исторія протестантизма. Широкая свобода, данная реформаціею протестантамъ понимать и толковать слово Божіе по личному разумѣнію, привела ихъ къ тѣмъ печальнымъ слѣдствіямъ, что они самымъ дѣломъ исказили у себя евангельскую идею церкви Христовой, которая должна быть единою, имѣть въ себѣ одну вѣру, одно ученіе и одни таинства и соблюдать всѣхъ членовъ своихъ въ единеніи духа союзомъ міра (Еф. 4, 5). Начиная съ Лютера, Цвинглія и Кальвина, взглядъ протестантовъ на священное писаніе и устройство христіанской церкви постоянно измѣнялся и дробился по личному убѣжденію и вкусу; вслѣдъ затѣмъ стали быстро возникать и развиваться сепаратическія движенія и появляться разныя секты съ своими религіозными воззрѣніями и нравственными правилами. Такимъ образомъ, и надъ всѣми протестантами можно повторить судъ святаго Иривея, произнесенный имъ на современныхъ противниковъ церковнаго ученія: „всѣ противники церковнаго ученія, говоритъ онъ, явились несравненно позже тѣхъ епископовъ, которымъ апостолы ввѣрили церкви, и потому они, не зная истины, привуждены скитаться по различнымъ путямъ, и сѣмена ученія ихъ разсѣваются безъ всякаго согласія и порядка“ (Христ. чт. 1838 г., 1, 142, 143).

Основной и главный недостатокъ протестантизма именно состоитъ въ томъ, что главные виновники его, свергая иго католической власти, отвергли вмѣстѣ руководство преданія и соборной церкви и думали, подъ вліяніемъ идей мистицизма и гуманизма, воспроизвести истинную апостольскую церковь по своему личному пониманію слова Божія. Въ полемической ненависти противъ деспотизма и злоупотребленій Римскаго престола, они упустили изъ виду кроткій и смиренный образъ нашего Спасителя, Который, пришедши на землю исправить и очистить отъ искаженій ветхозавѣтный законъ и основать свою церковь, всегда показывалъ собою примѣръ уваженія къ Моисею и древнимъ пророкамъ (Матѳ. VII, 4),—Самъ исполнялъ (Луки XVII, 14) и другимъ внушалъ исполнять законныя постановленія и церковныя обряды; Который, обличая лицемеріе и пороки настоятелей ветхозавѣтной церкви, въ то же

время, какъ бы предохраняя отъ анархіи церковной, заповѣдуетъ народу и ученикамъ Своимъ до извѣстнаго времени слушать и исполнять все то, чему первые учили (Матѳ. XXIII, 3). Далѣе, сираведливо негодуя противъ пороковъ и религіозно-нравственныхъ заблужденій Римскихъ первосвященниковъ, реформаторы забыли, что истинное христіанство должно сохраняться не въ частной Римской церкви, но въ апостольской, соборной и вселенской. Поврежденіе евангельскаго ученія въ первой и нравственное паденіе многихъ предстоятелей ея еще не давали основательнаго права заключать, чтобы вся вселенская церковь и вся богоучрежденная іерархія не держались съ *вѣрою и любовію образа здраваго ученія*, проповѣданнаго и преподаваемаго апостолами (12 Тим. 1, 13). Притомъ, всѣ сомнѣнія противъ святости и дѣйствительности благодатныхъ силъ въ церкви, возбуждаемыя недостойнствомъ и порочною жизнью пастырей ея, у насъ должны исчезать при той вѣрѣ, что невидимый Глава церкви есть Господь, Который всегда достигаетъ благихъ и премудрыхъ своихъ цѣлей въ царствѣ природы и благодати, при всемъ кажущемся иногда нестроеніи въ немъ и внѣшнихъ возмутительныхъ явленіяхъ. *Если мы не вѣрны, скажемъ словами апостола, то вѣренъ пребываетъ, и отречься себя не можетъ* (11 Тим. 2, 13). Тотъ, Кто сказалъ о Себѣ: „*созижду церковь мою и врата ада не одолѣютъ ей*“ (Матѳ. 16, 18). Обѣтованія Спасителя о Своемъ таинственномъ пребываніи въ церкви до скончанія вѣка (Матѳ. 28, 20) и о пребываніи въ ней Святаго Духа во вѣкъ (Іоан. 14, 16); выраженія апостола о церкви, назвавшаго ее храмомъ и домомъ Божиимъ (1 Кор. III, 16—17), тѣломъ Христовымъ (Еф. 1, 23), столпомъ и утвержденіемъ истины (1 Тим. 3, 15), примѣры св. апостоловъ, апостольскихъ учениковъ и многихъ дальнѣйшихъ преемниковъ, съ усердіемъ старавшихся представить себя Богу дѣлателями достойными, неукоризненными, вѣрно преподающими слово истины и даже пострадавшими за вѣру Христову, должны опять служить самыми убѣдительными доказательствами того, что евангельское ученіе должно сохраняться и дѣйствительно сохранилось во всей чистотѣ и святости въ православной вселенской церкви. Но раздраженные противъ религіозно-нравственныхъ заблужденій и узурпаторства Римскаго духовенства и чрезъ то сдѣлавшись можетъ, быть, подозрительными и недовѣрчивыми ко всей вообще церковной іерархіи, виновники протестантизма не придавали должнаго значенія божественному ученію о церкви. Эта пер-

вая ошибка, по свидѣтельству долголѣтнихъ опытовъ, была причиною всѣхъ послѣдующихъ заблужденій и неудачъ въ богословской дѣятельности протестантской церкви. Сколько мы встрѣчаемъ въ исторіи протестантизма людей высокообразованныхъ, которые съ искреннимъ желаніемъ старались привести въ ясное сознаніе образъ первенствующей церкви со всѣмъ ея догматическимъ ученіемъ и благочестивыми правилами жизни! Но всѣ эти по своей цѣли добрыя предпріятія, всѣ достоуважаемые ученые труды въ этомъ отношеніи до сихъ поръ остаются безъ удовлетворительныхъ результатовъ. вмѣсто того, чтобы устроить среди себя одну церковь, которая бы по своимъ религіознымъ понятіямъ и нравственнымъ правиламъ соотвѣтствовала первенствующей апостольской церкви, они часто только далѣе и болѣе удаляются отъ желаемаго идеала. Нѣкоторые протестантскіе богословы издавали цѣлыя системы догматическихъ и нравоучительныхъ произведеній, желая въ нихъ раскрыть и объяснить евангельское ученіе. А между тѣмъ иногда трудно примѣтитъ въ нихъ высокое нравственное ученіе Господа нашего Іисуса Христа. Прикрывая личныя мнѣнія и заблужденія мѣстами св. писанія, своеобразно ими понимаемаго и толкуемаго, они обезображивали часто въ сознаніи христіанъ тотъ высокій образецъ нравственной жизни, какой указанъ божественнымъ Искупителемъ нашимъ. Другіе изъ нихъ, при объясненіи свящ. писанія, вдавались въ мистицизмъ, или философскій спекулятивизмъ, часто искажающій самую идею христіанства. Что мы сказали вообще о всѣхъ религіозныхъ протестантскихъ обществахъ и ихъ богословскихъ-нравственныхъ стремленіяхъ, то въ частности можно приложить и къ піетизму.

Піетизмъ, по взгляду большей части западныхъ церковныхъ историковъ, въ первыхъ представителяхъ его, есть самое свѣтлое и отрадное явленіе на почвѣ протестантства. Его не напрасно сравниваютъ съ оазисомъ, который утѣшаетъ путника, утомленнаго долгимъ путемъ среди бесплодной и безводной пустыни своими свѣжими пріятными растеніями и чистою прозрачною водою (Viert. Theil. IX Vorlesung. Hagenbaeh). Основныя стремленія піетизма можно сказать были сходны со всѣми другими протестантскими общинами—именно образовать среди себя христіанскую церковь по примѣру первенствующей апостольской. Въ этихъ видахъ онъ протестовалъ противъ вредныхъ церковныхъ порядковъ и пороковъ духовенства и старался оживить сердца христіанъ духомъ истиннаго благочестія. Исключительная задача, отличающая его

отъ прочихъ протестантскихъ сектъ и общинъ, состояла въ томъ, чтобы доказать всѣмъ и каждому, что научныя богословскія знанія не такъ важны въ жизни христіанской, какъ истинное благочестіе, что *вѣра безъ дѣлъ мертва* (Іаков. II, 26) и что *неслышатели закона праведни передъ Богомъ, но творцы закона сіи оправдятся* (Рим. 2, 13). Но такъ какъ піетизмъ для достиженія своихъ истинно христіанскихъ намѣреній и цѣлей руководился только ученіемъ первыхъ реформаторовъ и личнымъ пониманіемъ слова Божія, а не разумомъ вселенской церкви, то онъ, подобно другимъ протестантскимъ общинамъ, не достигъ желаемыхъ послѣдствій. Этого мало, — въ исторіи его повторились многія религіозно-нравственныя заблужденія средневѣковыхъ мистиковъ и другихъ сепаратистовъ; своею дѣятельностію онъ вполнѣ оправдалъ священную мысль апостола: *если кто и подвизается, не увѣнчивается, если незаконно будетъ подвизаться* (2 Тим. 2, 5).

Приступая къ подробному разсужденію о піетизмѣ, мы считаемъ нужнымъ: 1) изложить, хотя въ общихъ чертахъ, религіозно-нравственныя начала самаго Лютера, — потому что піетизмъ старался во всемъ ему неуклонно слѣдовать и въ своей дѣятельности развить и выразить его существенныя стремленія; 2) выставить обстоятельства церковной жизни въ протестантствѣ, вызвавшія это религіозно-нравственное направленіе; 3) сказать о лицахъ, державшихся этого направленія, особенно о Шпеперѣ и Франке, ихъ образъ жизни, предположеніяхъ и дѣйствіяхъ, съ цѣлю улучшить нравственное состояніе церкви; 4) показать добрыя стороны піетизма Шпенера и Франке и благотворное вліяніе его на богословскую науку и нравственную жизнь въ протестантствѣ, и наконецъ 5) сказать о распространеніи и судьбѣ піетизма подъ вліяніемъ послѣдователей Шпенера и Франке, особенностяхъ догматическаго и нравственнаго ученія ихъ, крайностяхъ и недостаткахъ его.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Раеколъ въ предѣлахъ Савинскаго прихода.

(Краткій очеркъ прошлаго и современнаго его состоянія и мѣръ возможнаго уврачеванія).

(Продолженіе).

IV.

Въ прошедшемъ 1894 году количество записныхъ раскольниковъ въ предѣлахъ Савинскаго прихода, по даннымъ исповѣдныхъ вѣдомо-

стей, исчислялось въ 826 душъ обою пола. Въ настоящее время это количество, по исповѣднымъ вѣдомостямъ за 1895 годъ, возрасло до 884 душъ. Но вполне довѣряться этимъ цифрамъ, кажется, невозможно. Если принять во вниманіе, что даже при тщательномъ, по домамъ, исчисленіи православнаго населенія оказываются иногда пропуски, особенно новорожденныхъ и временно-проживающихъ, то что же сказать относительно статистическихъ данныхъ о раскольникахъ, повѣрка коихъ и исчисленіе оказываются возможными только благодаря однимъ почти показаніямъ православныхъ сосѣдей? Мы склонны поэтому думать, что вышеприведенныя цифры даютъ только приблизительное понятіе о числѣ Савинскихъ раскольниковъ. Въ этому общему числу записныхъ раскольниковъ слѣдуетъ прибавить еще не малое количество уклонившихся изъ православія за послѣднее десятилѣтіе. Уклонившихся по исповѣднымъ вѣдомостямъ прошлаго года числится въ приходѣ около 87 человекъ. Кромѣ того, въ настоящее время уклоняются или близки къ уклоненію еще нѣсколько семействъ въ д. Н. Тымбаѣ. Хотя уклонившіеся и значатся еще въ средѣ православныхъ и пишутся не бывшими у исповѣди и св. Причастія по одной склонности къ расколу, однако, въ существѣ дѣла, все они принадлежатъ къ расколу. Они давно уже порвали все духовныя связи съ православною церковью и не крестятъ въ сей дѣтей своихъ, не отпѣваютъ, не вѣнчаются и не говѣютъ. Они ничѣмъ не различаются отъ настоящихъ, коренныхъ раскольниковъ и прямо должны бы входить въ число ихъ. И какъ тѣ, такъ и другіе одинаково отличаются крайнею замкнутостью и недоступностью не только для возможнаго воздѣйствія на нихъ со стороны духовенства, но даже и для простаго общенія съ нимъ. Черта эта въ расколѣ, вѣроятно, бросается въ глаза повсемѣстно и обуславливается естественной недовѣрчивостью и даже враждебностью раскольниковъ къ православною церкви и ея духовенству. Здѣсь же она доходитъ до того, что самая встрѣча съ послѣднимъ раскольниками всегда старательно избѣгается. Даже въ случаѣ проѣзда священника мимо дома раскольника все выглядывающія въ окнѣ фізіономіи большею частью поспѣшно стараются скрыться или же выглядываютъ изъ-за косяка. Исключенія изъ этого сравнительно рѣдки и скорѣе встрѣчаются среди уклонившихся, по особымъ причинамъ, о чемъ сказано будетъ впослѣдствіи, при описаніи раскола въ д. Тымбаѣ. Обыкновенно же, въ случаѣ неизбежной и непредназначенной встрѣчи съ духовенствомъ, раскольники или совершенно воздерживаются

отъ всякаго разговора и отмалчиваются или же, напротивъ, разъ вступивъ въ разглазгольствіе о вѣрѣ, по своей веразвитости, скоро доходятъ до рѣзкаго тона и позволяютъ себѣ говорить грубости и дерзости по отношенію къ церкви, ея духовенства и обрядамъ. Въ деревняхъ же, гдѣ кромѣ часовенныхъ существуетъ еще и поморскій толкъ, всѣ указан-ныя характерныя особенности мѣстнаго раскола доходятъ до крайнихъ предѣловъ, раскольники тамъ отличаются особеннымъ упорствомъ въ своихъ заблужденіяхъ, а также озлобленіемъ и нетерпимостью къ православнои церкви. Много зависитъ это отъ умственной темноты и глубокаго религіознаго невѣжества раскольничьей массы, которую воспитываютъ въ духѣ нетерпимости разные ея руководители, особенно у поморцевъ. Отчасти на усиленіе раскольничьяго фанатизма вліяетъ въ данномъ случаѣ, можетъ быть, и глухая вражда, какая существуетъ здѣсь между часовенными поморцами изъ-за обладанія „истинной вѣрой“. Ранѣе здѣсь поморцевъ было мало и они были совершенно не слышны. Но съ 70-хъ годовъ у нихъ появились сильные начетчики и наставники, и съ тѣхъ поръ здѣшнее поморство значительно возрасло на счетъ православія и—часовенныхъ, вызвавъ, такимъ образомъ, сихъ послѣднихъ на борьбу съ собою. Эта борьба ихъ также замѣчательна въ жизни мѣстнаго раскола и очень характерна для него, такъ какъ въ ней и часовенные и поморцы взаимно, такъ сказать, подгоняютъ мысль другъ друга и въ защитѣ и развитіи своего вѣроученія, безъ сомнѣнія, обнаруживаютъ свои сильныя и слабыя стороны.

Борьба ихъ началась здѣсь собственно недавно, съ начала 80-хъ годовъ. Къ сожалѣнію, сами мы живемъ въ Савинскомъ приходѣ съ недавняго времени и потому не имѣли еще случая лично наблюдать ее, чтобы представить ее въ надлежащемъ видѣ; кромѣ того, она происходитъ въ дальнихъ деревняхъ прихода, большею частью населенныхъ исключительно раскольниками и потому естественно, что она ускользаетъ отъ посторонняго наблюденія. Тѣмъ не менѣе, послѣ неоднократныхъ разговоровъ съ нѣкоторыми часовенными мы пришли къ тому заключенію, что здѣшніе поповцы часовеннаго согласія, вѣроятно—въ силу нападковъ со стороны поморцевъ, принуждены были теперь сказать свое послѣднее слово о церкви, священствѣ и таинствахъ, именно въ смыслѣ, близкомъ къ безпоповству. Они теперь признаютъ, что истиннаго благодатнаго священства въ настоящее время уже нигдѣ не найдешь, что оно истреблено еще патриархомъ Никономъ, когда онъ вводилъ

въ великороссійскую церковь свои новшества и ереси — троеперстіе, четвероконечной крестъ, противосолонное хожденіе и пр. Были и послѣ того у нихъ попы, приходившіе „отъ ереси“, но теперь ихъ не стало, послѣ строгаго запрета со стороны правительства и по окончательномъ оскудѣніи даже въ лучшихъ представителяхъ никоніанскихъ влеченій къ «древле-благочестивой вѣрѣ» ихъ предковъ. Бѣглыхъ поповъ часовенные здѣсь давно уже не видали, хотя темные, чаще всего ложные, слухи о послѣднихъ порою доходятъ еще до нихъ черезъ разныхъ иноковъ и старицъ, изрѣдка наѣзжающихъ сюда; австрійскую лже-іерархію, къ поискамъ коей здѣшніе поповцы также относились въ свое время не безъ участія, почти всѣ они считаютъ незаконной; потому они признали возможнымъ въ настоящее время спасеніе безъ благословеннаго священства и нѣкоторыхъ таинствъ въ силу чего крещеніе и покаяніе, а также разныя чинослѣдованія „нужды ради“ исправляютъ у нихъ лица неосвященные — „старики“. Съ означенной стороны, здѣшняя часовенная секта очень близко подходитъ къ безпоповщинѣ и является той, вѣроятно, стариковщиной, которую нѣкоторые считаютъ въ числѣ безпоповщинскихъ сектъ по тому одному внѣшнему признаку ея, что въ настоящее время она остается „безъ поповъ“*) Однако, кромѣ своего недавняго историческаго прошлаго, здѣшніе поповцы часовеннаго согласія, такъ и называющіе себя именемъ „часовенныхъ“ имѣютъ, какъ и предполагаемая стариковщина, особое отъ сосѣднихъ съ ними безпоповцевъ поморскаго толка ученіе о лицѣ послѣдняго антихриста. Они признаютъ въ великороссійской церкви явленія пока однихъ „предотечъ антихристовъ“, про самаго же говорятъ, что онъ еще ваередѣ идетъ и будетъ именно человекъ съ извѣстными, „во святомъ писаніи“ ясно указанными свойствами. Кромѣ того, часовенные расходятся еще съ поморцами по вопросу о перекрещиваніи, которое отстаиваютъ послѣдніе, и о титлѣ, т. е. пилатовой надписи на крестѣ Христовомъ. На этихъ основаніяхъ здѣшніе часовенные и поморцы не только не сливаются въ одну секту, но и строго различаютъ себя другъ отъ друга и не признаютъ одни за другими полнаго права на обладаніе „истинной вѣрой“.

---

*) Вѣроятно, въ силу этого же внѣшняго признака, Савинское духовенство до самаго послѣдняго времени отмѣчало весь Савинскій расколъ принадлежащимъ къ безпоповщинѣ, что и исторически, и по существу дѣла, разумѣется, было не совсемъ вѣрно.

Въ то время, какъ мысль у часовенныхъ раскольниковъ до начала борьбы ихъ съ поморцами находилась все время въ застоѣ и только теперь, по поводу этой борьбы, начинаетъ пробуждаться, обнаруживъ на первыхъ порахъ свое безсиліе въ измѣненіи ученія о священствѣ (почему нѣкоторые изъ часовенныхъ и ушли въ поморство), здѣшніе безпоповцы отличаются особенной стойкостью въ своихъ заблужденіяхъ. Безпоповщинская мысль въ этомъ случаѣ оказывается болѣе сильной. И она дѣйствительно сильна своей строго-логической послѣдовательностью и неустрашимостью, съ какою она, выходя болышею частью изъ ложно-понятыхъ основаній, идетъ къ послѣднимъ своимъ выводамъ, несогласнымъ съ самыми очевидными показаніями дѣйствительности, слова Божія и свято-отеческихъ писавій. Безпоповцы разъ навсегда безповоротно рѣшили вопросъ о священствѣ въ томъ смыслѣ, что оно „потреблено“ антихристомъ, который съ лѣтъ 1666-ти воцарился въ церкви великороссійской и, какъ духъ „богомерзкаго отступленія“, находитъ для своей злобы, лести и коварства многоразличныя проявленія, чтобы удобнѣе было „прельстити аще возможно и избранныя“, т. е. изъ безпоповцевъ поморскаго согласія. Отсюда, въ качествѣ выводовъ, слѣдуютъ новые пункты въ ихъ вѣроученіи! съ одной стороны, всякій „христіанинъ“ остается теперь только при одномъ духовномъ Христовомъ священствѣ и „по нуждѣ“, примѣнительно къ церковнымъ правиламъ, самъ себѣ можетъ быть священникъ съ другой стороны—всякому „христіанину“ теперь слѣдуетъ опасаться быть прельщеннымъ отъ антихриста и его слугъ и потому должно быть всегда и во всемъ особенно осмотрительнымъ и разборчивымъ. Отъ этого умственному взору безпоповца на каждомъ шагу представляются различныя опасенія и возможность оскверниться, что естественно вызываетъ въ немъ безграничную злобу противъ „міра“ и всего „мірскаго“. Въ послѣднее время здѣшніе безпоповцы, между прочимъ, сильно озлобились изъ-за привода къ присягѣ на вѣрнопопданство Государю Императору и нападаютъ теперь на православныхъ, говоря что явно они во иного Бога вѣруютъ, когда не слушаются прямого запрещенія Христова—„не клятися всяко“. Замѣчательно, что мысль эта, высказанная первоначально поморцами, волнуетъ теперь и здѣшнихъ часовенныхъ, безъ всякаго, разумѣется, отношенія къ антихристову времени. Намъ лично пришлось, по поводу привода къ присягѣ свидѣтелей на судъ, отвѣчать на вопросъ

одного знакомаго вамъ раскольника часовеннаго согласія: — „а какъ же во св. евангеліи сказано: азъ же глаголю вамъ не клятися всяко...“?

Такимъ образомъ, характерными чертами вѣроученія савинскихъ раскольниковъ, часовенныхъ и поморцевъ, являются — у первыхъ безспіе мысли, у послѣднихъ — чрезвычайное озлобленіе. И это неизбѣжно для тѣхъ и другихъ, какъ прямой результатъ несоблюденія ими должныхъ границъ въ сужденіи о произведенныхъ и. Никономъ исправленія бого-служебныхъ книгъ и обрядовъ православной церкви. Въ одной, уважаемой раскольниками, старопечатной книгѣ говорится, между прочимъ, что „средина есть добродѣтель, безмѣріе же есть оскудѣніе и злоба“. Такъ дѣйствительно и оказалось въ нашемъ расколѣ, и притомъ — не въ области одного только вѣроученія, но и въ практическихъ воззрѣніяхъ раскольниковъ, насколько они выражаются въ ихъ семейной и общественной жизни. „Злоба“ характеризуетъ всѣ отношенія безпоповцевъ къ „міру“, т. е. православнымъ и часовеннымъ. Она побуждаетъ безпоповца къ особенной устойчивости его въ своихъ воззрѣніяхъ даже на житейскія мелочи, къ стойкости въ своей вѣрѣ, старыхъ обычаяхъ и обрядахъ, къ полному необщенію съ „міромъ“, наконецъ, къ борьбѣ съ нимъ путемъ пропаганды своихъ лжеученій. „Оскудѣніемъ“, въ свою очередь, отличаются практическія воззрѣнія часовенныхъ. Въ ихъ теоретическомъ ученіи не находится такихъ серьезныхъ мотивовъ для той, а не другой практической дѣятельности и житейскихъ отношеній. Поэтому часовенные здѣсь не вполне избѣгаютъ общенія съ „мірскими“; если они и злобны, то больше противъ враговъ своихъ — поморцевъ; въ своей обыденной жизни они не такъ устойчивы въ сравненіи съ послѣдними, въ своей „старой вѣрѣ“, обрядахъ и обычаяхъ, даже въ половину „обмірщились“, сдѣлались вообще много „слабже“ противъ прежняго и въ борьбѣ съ поморцами не отличаются такою солидарностью и взаимопомощью, какъ эти послѣдніе.

Охарактеризовавъ, такимъ образомъ, въ общемъ и теоретическое вѣроученіе, и практическія воззрѣнія савинскихъ раскольниковъ, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторую оговорку. Представителями раскольничьей мысли и создателями раскольничьихъ доктринъ являются здѣсь, какъ вѣроятно и вездѣ, разные наставники, уставщики, начетчики и вообще грамотеи, а не вся раскольничья масса. Послѣдняя, по своей умственной темнотѣ и крайнему религіозному невѣжеству, почти вполне безсознательно относится къ своей вѣрѣ и къ своему ра-

сколу съ церковью. Въ отношеніи ихъ большинство здѣшнихъ раскольниковъ мало что понимаютъ, кромѣ того, что „старой вѣры“ нужно держаться крѣпко, не измѣняя ничего и ни въ чемъ не отступая; „какъ отцы наши жили, такъ и намъ благословили“ — вотъ весьма часто повторяемая ими въ оправданіе своего раскола съ церковью фраза. Какъ таковой, расколъ простого народа весь исчерпывается внѣшней обрядностью въ выполненіи обрядовъ и старыхъ обычаевъ и въ выполненіи такомъ, а не inomъ — состоитъ вся его сущность. Не просвѣщенный народъ не въ состояніи, конечно, различать своей вѣры отъ ея внѣшней формы; напротивъ, онъ, въ силу своей темноты, естественно допускаетъ еще въ нее множество элементовъ совершенно ей чуждыхъ. Множество суевѣрій и предрасудковъ замѣняютъ ему истинную религію, удовлетворяютъ его религіозному чувству. Тоже самое должно сказать и о здѣшнихъ раскольникахъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ указать мѣстныхъ особенности, въ религіозно—обрядовой жизни савинскихъ раскольниковъ, тамъ какъ для этого, кромѣ подробнаго знакомства съ послѣдней, не обходимо было бы знать еще съ указанной стороны жизнь раскольниковъ и по другимъ мѣстамъ. Въ общихъ чертахъ, впрочемъ, можно представить ее слѣдующимъ образомъ.

Новорожденного младенца савинскіе поповцы крестятъ по возможности въ осьмой день по рожденіи; имя дается всегда то, какое приходится на означенный день, при чемъ предпочтеніе отдается именами болѣе труднымъ и при томъ именамъ преподобныхъ. Крестить у нихъ почти всегда „старикъ“ (австрійскихъ здѣсь мало и они со всѣми требамы обращаются къ своимъ „попамъ“ въ сосѣдніе приходы—Больше-Усинскій, Талмазскій и Верхъ-Буевскій). По положеніи обычнаго „начала“, старикъ вычитываетъ нѣкоторыя молитвы (не изъ чина крещенія только) и, трижды произнеся исповѣданіе вѣры, помазываетъ младенца елеемъ и трижды погружаетъ его съ произнесеніемъ даннаго ему имени и совершительныхъ словъ таинства, послѣ чего творитъ отпустъ и снова—„начало“. Миромъ, разумѣется, новокрещенный не помазывается: „нужды ради и кромѣ мира крещеніе совершается“, говорятъ здѣсь часовенные. По крещеніи родильница и бабка „размываютъ“ одна другой руки, послѣ чего бабка считается чистою. Въ сороковой день очищается и родильница; обыкновенно она сама освящаетъ себя молитвами, какія знаетъ, и поклонами; причемъ младенецъ полагается ею передъ иконы. Причащаются или нѣтъ здѣшніе часовенные, хорошо неизвѣстно.

Сами они ничего про это не говорят. Между тѣмъ, отъ православныхъ можно слышать, что у раскольниковъ (часовенныхъ) все еще не перевелись запасные дары, которыми они при смерти и причащаются по какому-то особому чину. Говорятъ, что „дары“ эти заготовлены еще на Ирциѣ, въ видѣ большого размѣра хлѣбовъ съ до-никоновской печатію наверху, и въ видѣ крупинокъ тщетельно сохраняются раскольниками до нынѣ. Съ другой стороны, про нѣкоторыхъ часовенныхъ (китрюмскихъ, напр.) мы слышали, что они даже къ покаянію не всегда прибѣгаютъ передъ смертію; очевидно, о причащеніи тутъ и рѣчи быть не можетъ. Покаяніе приносится передъ „старикомъ“ же, который по положеніи обычнаго „начала“, читаетъ „скитское покаяніе“, во время коего кающійся противъ каждаго грѣха даетъ отвѣты о своей грѣховности. Исповѣдь всегда оканчивается наложеніемъ на кающагося той или другой эпитеміи, безъ чего покаяніе считается неимѣющимъ своей силы. На обычномъ языкѣ раскольниковъ оно называется „полаживаніемъ“. Бракъ у часовенныхъ совершается здѣсь не всегда: многіе живутъ безъ всякаго благословленія „старика“. Въмѣсто обряда вѣнчанія у нихъ поются „каноны“; по шестой пѣснѣ послѣдняго канона сходящимся въ бракъ дается благословеніе родителями или лицами ихъ замѣщающими, послѣ чего благословляетъ ихъ „старикъ“ иконами Спасителя и Божіей Матери и обводитъ ихъ по соломѣ трижды вокругъ стола; послѣ этого имъ дается пить красное вино въ чашкѣ или въ стаканѣ, которые тутъ же разбиваются; затѣмъ канонъ оканчивается и полагаются обычные поклоны за новобрачныхъ. По окончаніи всего новобрачной расплетаютъ „дѣвичью косу“ и заплетаютъ двѣ косы, чѣмъ и совершается переходъ ея въ замужнее состояніе. Умершаго тотчасъ по смерти обмываютъ, даютъ въ руки „катушку“ и лѣстовку, безъ коей раскольники никогда не становятся на моленіе, и его пеленаютъ, что означаетъ, что душа умершаго теперь чиста, какъ у младенца, и идетъ къ Богу такою-же, какою пришла на землю при рожденіи умершаго. Затѣмъ лицо его закрывается, и онъ полагается большею частью въ долбленный гробъ, называемый „домовиной“, ставится подъ иконы, ногами къ нимъ, и по немъ начинается чтеніе псалтири. Чинъ отиѣтія у раскольниковъ замѣняется пѣніемъ по псалтири закона за единоумершаго и совершается оно часто безъ „старика“ домашними или сосѣдними грамотѣями. Бадятъ при этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, изъ особо устроенной глиняной или

*) Своедѣльную восковую свѣчу, всегда—желтаго цвѣта.

мѣдной кадилки съ ручкою. Погребаютъ умершаго на своихъ отдѣльныхъ, не оскверненныхъ еретиками кладбищахъ, часто безъ всякаго пѣнія. Впрочемъ, при выносѣ гроба изъ избы въ сѣни и далѣе — даже иногда за воротами раскольничьяго дома провожающіе взрослые поютъ неособенно громко: — „пошла душа въ рай“, на что дѣти отвѣчаютъ пѣніемъ же словъ — „туда и надо“, или же всѣ поютъ такъ: „пошла душа въ рай, такъ и надо — душа въ рай“. Послѣ погребенія, умершаго поминаютъ въ дни 3, 6, 9, 12 и 40-й и въ „години“, что почти всѣ раскольники наблюдаютъ строго, устраивая „по силѣ“ обѣдъ за умершаго; во время обѣда читается псалтирь, а по окончаніи обѣда присутствующимъ даются деньги. Таково въ общемъ теченіи религіозно-обрядовой жизни здѣшнихъ поповцевъ часовеннаго согласія. Больше изложеннаго намъ не пришлось разузнать ничего въ данномъ отношеніи, что и совершенно естественно въ виду того, что раскольники часовенные все-же не общаются въ моленіи съ православными, не приглашаютъ ихъ къ себѣ въ этихъ случаяхъ и не рассказываютъ имъ ничего. Въ сравненіи съ часовенными поморцы отличаются еще болѣе крайнею замкнутостью въ своей религіозно-обрядовой жизни и ея отпавленіяхъ, почему о нихъ съ этой стороны мы ничего достоверно не знаемъ и сказать не можемъ. Вѣроятно, и у нихъ найдется въ этомъ случаѣ много сходнаго съ часовенными. Извѣстно только, что они разнятся съ послѣдними въ томъ, что всякаго приходящаго въ ихъ секту человѣка, часовеннаго, православнаго или даже бывшаго сперва въ непоповствѣ, но потомъ убоявшагося въ другую „вѣру“, принимаютъ чинномъ крещенія, почему и называются еще „перекрещенцами“. Кажется, крестятся они въ зрѣломъ возрастѣ. Нашъ очеркъ религіозно-обрядовой жизни Савинскихъ раскольниковъ будетъ не полонъ, если мы не скажемъ еще нѣсколько словъ о моленіяхъ раскольниковъ, о мѣстахъ моленій и ихъ принадлежностяхъ. Особенно благолѣпно устроенныхъ часовень здѣсь у раскольниковъ нѣтъ. Есть только домашнія молельни. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ передаютъ, отличаются достаточнымъ, по здѣшнимъ понятіямъ, благолѣпіемъ — имѣютъ много стариннаго письма иконъ, книгъ и разныхъ богослужебныхъ принадлежностей. У непоповцевъ, впрочемъ, въ употребленіи одни только мѣдныя иконы — (складни) и распятія. Необходимую принадлежностью моленій считаются здѣсь лѣстовка и подручникъ, безъ коихъ раскольники не приступаютъ ни къ какому моленію. По праздникамъ и воскресеньямъ

раскольники собираются на моленія всѣ вмѣстѣ къ одному или нѣсколькимъ наставникамъ въ ихъ домашнія молельни. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ раскольники имѣютъ каждый своего домашняго святого, ко-ему и празднуютъ общими же моленіями и угощеніемъ. Кромѣ того, каждый почти раскольникъ начинаетъ свой день и кончаетъ его положеніемъ „начала“ и моленіемъ предъ своими домашними иконами, которыя большею частью помѣщаются въ углу, противоположномъ такъ называемому красному углу и задергиваются въ обычное время занавѣсью. Иконы въ красномъ углу предназначаются для приходящихъ, въ числѣ коихъ могутъ прилучаться и „еретики“. Вообще, въ своемъ частномъ быту раскольники Савинскіе очень религіозны. Въ своей практической дѣятельности они, на ряду съ глубокой набожностью, нерѣдко представляютъ характерную двойственность, которая на первый взглядъ можетъ показаться очень странною. Раскольникъ молится Богу, напр., даже при нечестномъ предпріятіи или планѣ; почтительный обыкновенно къ вѣрѣ своихъ предковъ, свято чтущій ея уставы, онъ иногда позволяетъ себѣ кощунственно смѣяться надъ ней и ея церковнымъ чиномъ; освятивъ начало дѣла молитвою, онъ вслѣдъ за ней идетъ въ кабакъ или позволяетъ себѣ выпивку и т. п. Перевѣсь все-таки долженъ быть признанъ за его набожностью. Каждый шагъ свой онъ освящаетъ молитвою и на всякое болѣе или менѣе выдающееся обстоятельство въ своей жизни онъ смотритъ какъ на милость или поущеніе Божіе за грѣхи, почему и не позволяетъ себѣ въ послѣднемъ случаѣ ропота на Бога. Движимый тою же набожностью, праздничный день раскольникъ желаетъ провести въ возможномъ воздержаніи, достойно и благочестно. Въ этихъ видахъ раскольники иногда собираются въ одно мѣсто для „почитанья книжнаго“ и благочестиваго духовнаго развлеченія въ душеспасительной бесѣдѣ, обычно именуемой у нихъ „духовною трапезой“. Особенно любимымъ чтеніемъ у нихъ служатъ челобитныя, „исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ“, „Златоустъ“, „Кириллова книга“, „Исторія Выговской пустыни“, „Виноградъ Россійскій“, а также всевозможные рукописные цвѣтники, исполненные злохуленій на православную церковь и содержимые ею обряды. Попутно съ чтеніемъ ведутся неизбѣжныя „суемудрыя, самосмышленные“ объясненія наставниковъ и нерѣдко — иѣніе церковныхъ пѣснопѣній, а также — стиховъ „о мати-пустыни“, „объ Асафѣ царевичѣ“, „о озлобленіи еретическомъ“ и т. п. Иногда душою такихъ

собраний оказывается пріѣхавшій откуда нибудь издалека вездѣ бывалый, многое видавшій, обыкновенно почти краснорѣчивый „старецъ“, нерѣдко — „старица“, своими разказами привлекающіе къ себѣ сердца простодушно-довѣрчивыхъ темныхъ раскольниковъ и располагающіе ихъ къ обильнымъ пожертвованіямъ. Интересъ подобныхъ бесѣдъ нерѣдко привлекаетъ на нихъ и православныхъ, не смотря на постоянно повторяющіеся имъ запрещенія ходить въ этихъ случаяхъ къ раскольникамъ и указанія на церковныя внѣ-богослужебныя бесѣды.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ жизни церковныхъ школъ Пермской епархіи.

(Постройка школьныхъ зданій).

Священникъ Кріулинской Казанско-Богородицкой церкви, Красноуфимскаго уѣзда, о. Н. Первушинъ, представляя въ Красноуфимское отдѣленіе приговоръ крестьянъ *Крыловскаго* сельскаго общества о желаніи ихъ устроить въ своей деревнѣ школу-часовню, на каковой предметъ они постановили дать изъ своихъ средствъ посильную сумму денегъ и доставить потребное количество строительныхъ матеріаловъ — дѣсу, моху и камня, въ рапортѣ своемъ пишетъ слѣдующее:

„Деревня Крылово отстоитъ отъ приходской церкви въ 9 верстахъ, жителей въ ней насчитывается свыше 600 душъ обою пола, въ томъ числѣ около 90 дѣтей школьнаго возраста, остающихся въ настоящее время, по причинѣ удаленности сосѣднихъ школъ и за невниманіемъ въ самой деревнѣ помѣщенія для школы, безъ всякаго образованія. Жители Крыловской деревни, весьма рѣдко посѣщая храмъ Божій, остаются внѣ вліянія на нихъ церкви и потому стоятъ на весьма низкой ступени въ религіозно-нравственномъ отношеніи, а потому здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо чувствуется потребность въ устройствѣ школы-часовни. Здѣсь, въ этой школѣ-часовнѣ, молодое поколѣніе будетъ воспитываться подъ вліяніемъ церкви, а родители ихъ будутъ имѣть возможность слышать церковное богослуженіе и назидаться поученіями пастыря. Кромѣ того, при устройствѣ школы-часовни, приходскій священникъ будетъ имѣть возможность производить здѣсь бесѣды, которыя въ этой деревнѣ также настоятельно необходимы, потому что среди жителей деревни есть не мало раскольниковъ, которые

главнымъ образомъ и являются причиной равнодушнаго отношенія Крыловцевъ къ исполненію своихъ христіанскихъ обязанностей. Въ настоящее время жители Крыловой, если и не перешли открыто въ расколъ, то все-таки значительно поколеблены въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, и можно сказать про нихъ, что они сейчасъ стоятъ на порогѣ церкви, въ которую они обращаются только въ случаяхъ необходимости: крестить дѣтей, отпѣвать усопшихъ и вѣнчать браки. Такимъ образомъ школа-часовня можетъ быть здѣсь могучимъ средствомъ обращенія заблудшихъ въ лоно св. церкви и удержанія колеблющихся отъ удаленія изъ послѣдней⁴.

Въ виду того, что многіе изъ жителей деревни Крыловой относились несочувственно къ постройкѣ школы-часовни, а иные даже враждебно, и такъ какъ остальные поселяне — православные своими только средствами не имѣли возможности воздвигнуть школьное зданіе, — священникъ обратился съ просьбою о помощи къ Красноуфимскому уѣздному земству и къ епархіальному училищному совѣту. Красноуфимское земство, всегда съ искреннимъ и полнымъ сочувствіемъ относящееся къ церковнымъ школамъ, за что, пользуясь случаемъ, долгомъ почтаемъ еще разъ выразить ему глубочайшую признательность, и на сей разъ оказалось вѣрнымъ себѣ: оно отпустило изъ своихъ средствъ просимую священникомъ сумму денегъ на постройку предложенной школы-часовни. Не оставлена безъ вниманія просьба священника и епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ, онъ далъ на постройку зданія то, чего не доставало по смѣтѣ на окончательную отдѣлку послѣдняго. Такимъ образомъ, благодаря стараніямъ добраго пастыря, въ деревнѣ Крыловой, къ общей радости всѣхъ православныхъ жителей ея, воздвигнуто вполне приличное и помѣстительное зданіе для часовни-школы.

Въ маѣ 1896 года епархіальный училищный совѣтъ, постановивъ преобразовать *Тюїно-Озерскую*, Красноуфимскаго уѣзда, школу грамоты въ церковно-приходскую, призналъ необходимымъ имѣть для нея собственное помѣщеніе. Въ исполненіе предложенія совѣта завѣдующій школою о. С. Синайсій представилъ планъ и смѣту на постройку на церковной землѣ школьнаго зданія, которое по приблизительному разсчету должно было обойтись въ 780—800 руб. Мѣстное населеніе отнеслось къ дѣлу съ живѣйшимъ сочувствіемъ. По плану школьное зданіе съ квартирою для учителя предполагалось построить размѣромъ 3 × 4 сажени, кромѣ кладовой и сѣней. Въ августѣ того же года зда-

ніе вчернѣ было уже готово; въ сентябрѣ сдѣланы въ немъ нѣкоторыя передѣлки—увеличена на 5 арш. классная комната, — и къ октябрю школа имѣла собственное помѣщеніе.

Гораздо долѣе продолжалась постройка зданія для *Ключиковской* (того же Красноуфимскаго уѣзда) школы грамоты. Дѣло постройки началось здѣсь еще въ октябрѣ 1893 года. По предложенію священника Покровской церкви Александровскаго завода о. Андрея Челышева, крестьяне деревни Ключиковъ на сходѣ 16 октября 1893 года рѣшили открыть въ своей деревнѣ школу грамоты и построить для нея домъ, обязавшись дать отъ себя нужныя на постройку средства послѣ составленія и утвержденія въ законномъ порядкѣ плана и смѣты. Школа между тѣмъ была открыта и помѣщена пока въ наемномъ домѣ; самое дѣло о постройкѣ школьнаго зданія—составленіе плана и смѣты и ходатайство объ утвержденіи послѣднихъ обществомъ было поручено вести священнику Челышеву, какъ инициатору его. Планъ и смѣта для зданія бесплатно были составлены г. Манохинымъ, техникомъ Красноуфимскаго земства, при чемъ сумма, потребная на постройку школы, исчислена въ количествѣ 600 руб. 60 коп. Красноуфимская земская управа на покрытіе этого расхода пожертвовала обществу 100 рублей; такимъ образомъ крестьяне должны были ассигновать 500 р. 60 к. Красноуфимское отдѣленіе, по выясненіи всѣхъ данныхъ о постройкѣ школьнаго зданія, обратилось къ попечителю Ключиковской школы г. Богомолу съ просьбою предъявить Ключиковскому обществу планъ и смѣту на постройку школы и предложить ему ассигновать согласно обществу недостающую сумму въ количествѣ 500 р. 60 к. Но г. Богомолъ отказался отъ исполненія возложеннаго на него отдѣленіемъ порученія, не будучи уполномоченъ отъ общества вести дѣло о постройкѣ, отдѣленіе, по его словамъ, въ данномъ случаѣ не по праву обошло священника Челышева, что можетъ охладить его усердіе и ревность къ начатому имъ доброму дѣлу. Кромѣ того, г. Богомолъ объяснилъ, что постройка зданія для школы можетъ обойтись дешевле, чѣмъ исчислено, такъ какъ обществомъ рѣшено производить ее хозяйственнымъ, а не подряднымъ способомъ, и такъ какъ многія работы, переведенныя въ смѣтѣ на деньги, могутъ быть исполнены натурою, т. е. добровольнымъ трудомъ крестьянъ—общественниковъ. При этомъ лѣсъ для постройки, по донесенію г. Богомолу, отпущенъ безвозмездно, по просьбѣ свящ. Челышева, мѣстной землевладѣлицей А. С. Голубцо-

вои въ количествѣ 350 бревенъ. Крестьяне же изъявили согласіе вывезти этотъ лѣсъ изъ дачи, разложивъ вывозку по душамъ, и ассигновали пока на постройку школы 115 руб.

Вся эта подготовительная работа и переписка производилась болѣе года. Въ епархіальный училищный совѣтъ дѣло о постройкѣ Ключиковской школы поступило только въ октябрѣ 1894 года. Епархіальный училищный совѣтъ, безъ промедленія разсмотрѣвъ дѣло, на основаніи представленныхъ документовъ, постановилъ разрѣшить постройку зданія для Ключиковской школы и просить о. А. Челышева, г-жу Голубцову и г. Богомолова производить постройку совмѣстно. Это постановленіе состоялось въ октябрѣ 1894 года. Благодаря стараніямъ этихъ трехъ лицъ, дѣйствующихъ съ полнымъ усердіемъ на пользу святого дѣла и съ неизмѣннымъ единодушіемъ, постройка зданія для помѣщенія Ключиковской школы, хотя и не быстро, къ лѣту 1896 года приведена къ концу. Школьное помѣщеніе, рассчитанное на 70 человекъ учащихся съ квартирою для учителя, выстроено весьма приличное; кромѣ того, къ зданію сдѣланъ еще прирубъ для помѣщенія иконостаса, чтобы впослѣдствіи выстроенное зданіе сдѣлать помѣщеніемъ не только школы, но и часовни. Въ постройкѣ школьной мебели — партъ, книжныхъ шкафовъ, столовъ, стульевъ и пр. помогъ мѣстному обществу епархіальный училищный совѣтъ. Въ настоящее время Ключиковская школа помѣщается въ собственномъ зданіи на отведенной крестьянами землѣ и обставлена всѣмъ необходимымъ для дальнѣйшаго своего преспеянія.

Приходское попечительство при церкви е. Успенскаго, Пермскаго уѣзда.

(Первый годъ существованія съ 8 ноября 1895 г. по 1 января 1897 г.).

Состояніе прихода.

Среди печальныхъ условій возродилось наше попечительство.

Государственные крестьяне Успенской волости, нѣкогда (около 1645 года) пожертвованные именованъ Яковомъ Строгановымъ, въ числѣ 20 душъ, мѣстному монастырю (основателемъ его былъ препо-

добный Трифонъ, Вятскій чудотворецъ, который жилъ здѣсь 9 лѣтъ), въ своемъ прошломъ всегда отличались бѣдностью и захудалостью. Закрытіе монастыря было результатомъ бѣдности мѣстныхъ жителей. Въ настоящее время 700 душъ прихожанъ, составляя всю производительную и платежную силу прихода, находятся еще въ болѣе худшемъ положеніи, чѣмъ въ прошломъ. Земля Успенскихъ крестьянъ — высокія горы, вѣдра которыхъ можетъ быть и заключаютъ ископаемая сокровища, но верхній пластъ ихъ съ трудомъ разрыхляется для сѣва хлѣба, представляя камень, плитнякъ, известь, песокъ и глину. Хозяйственный инвентарь успенца сейчасъ таковъ: есть соха, нѣтъ бороны; есть борова, нѣтъ сохи и т. д. Имѣющійся на весь приходъ десятокъ телѣгъ — роскошь отдѣльныхъ домохозяевъ. Самый важный элементъ въ хозяйствѣ — скотъ содержится ограниченно: есть корова, нѣтъ лошади; есть лошадь, нѣтъ коровы; есть овца, нѣтъ ни коровы, ни лошади и т. д. Число безлошадныхъ семействъ велико; остальные имѣютъ по одной лошади и развѣ только семействъ 3—5 по двѣ лошади. Ничтожнымъ количествомъ скота обуславливается и недостатокъ продуктовъ удобренія, а отсюда — плохіе урожаи. Разумѣется, среди такихъ печальныхъ условій существованія населенія, у него изъ года въ годъ является недостатокъ хлѣба. Голодовки получили здѣсь право гражданства: большинству населенія своего хлѣба хватаетъ только до декабря. Отхожихъ промысловъ нѣтъ; какое либо кустарное производство населенію не знакомо; есть селенія, гдѣ поголовно нищіе.

При такой бѣдности нашего крестьянства приходскій храмъ нашъ естественно не можетъ отличаться благолѣпіемъ. И дѣйствительно, нужды у нашей церкви много: церковная ограда валится и стоитъ индѣ на подпорахъ; иконостасъ потемнѣлъ, не видать даже св. ликовъ, позолота слала; ризница ветхая, одѣянія святаго престола и жервенника едва-едва годны къ употребленію, подсвѣчниковъ мало. Многія книги, по которымъ совершаются божественныя пѣснопѣнія и чтенія, пришли въ большую ветхость и требуютъ замѣны новыми.

Въ печальномъ положеніи находится и наша церковно-приходская школа: помѣщеніе ея тѣсно, расширить его нужны солидныя средства, парты ветхи, да и ихъ мало. Можно бы продолжать и далѣе скорбную страницу истинной бѣдности Успенскаго прихода, но это слишкомъ заняло бы здѣсь много мѣста.

Организація попечительства.

Успенское попечительство открыто 8 ноября 1895 года. Председателем попечительства единогласно избранъ мѣстный священникъ Василій Поповъ, товарищемъ А. Я. Нѣмтянъ. Глубокопочитаемый всей Россіей отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ (Кронштадскій) и мѣстный благочинный священникъ Илья Іоанновичъ Любимовъ избраны единогласно почетными членами попечительства *). Мѣстный псаломщикъ, церковный староста и волостной старшина въ составъ попечительства вошли непремѣнными членами. Крестьянинъ А. А. Гашевъ избранъ кассиромъ, волостной писарь С. А. Бражкинъ членомъ-секретаремъ. Почетными членами на первый разъ избраны 2 лица, членомъ-соревнователемъ одинъ; членами-сотрудниками 15 лицъ, всего 27 человекъ, которые и утверждены въ своихъ званіяхъ указомъ духовной консисторіи, отъ 5 декабря 1895 года, на три года. Для членовъ установленъ взносъ отъ 3 рублей въ годъ, для членовъ-соревнователей отъ 1 рубля; на обязанность же членовъ-сотрудниковъ возложено въ части прихода каждаго изъ нихъ сборъ хлѣба, льна, шерсти и проч., по два раза въ годъ — осенью и зимой. Для рѣшенія маловажныхъ дѣлъ и расходования денегъ до 50 рублей составленъ попечительный совѣтъ, въ который входятъ — председатель, всѣ непремѣнные члены, кассиръ и секретарь. Совѣтъ уполномоченъ дѣлать созывъ общаго собранія и приглашать новыхъ платныхъ членовъ, членовъ-соревнователей и почетныхъ въ составъ попечительства. Определенія общаго собранія и постановленія совѣта заносятся въ особую книгу. Денежныя суммы и матеріальныя пожертвованія (по книгамъ и подписнымъ листамъ) повѣряются ревизионной комиссіей, которую избираетъ общее собраніе прихожанъ.

Средства попечительства.

Среди печальныхъ экономическихъ условій прихода къ изысканію средствъ попечительства положено много труда и усердія. Къ концу года въ кассѣ попечительства было 397 р. 15 к. Цифра эта сложилась главнымъ образомъ такъ:

*) Благочинному о Илѣ Любимову Успенское попечительство обязано своимъ возникновеніемъ и участливымъ содѣйствіемъ къ направленію дѣятельности сего учрежденія.

а) Отъ мѣстныхъ прихожанъ:

1. Членскаго взноса	4 р. — к.
2. По листамъ	4 „ 89 „
3. Изъ церковной кружки	11 „ 76 „
4. Тарелочнаго сбора	1 „ 36 „
5. Остатка отъ комитета по прокормле нію голодающихъ въ 1892 г.	2 „ 90 „
6. Успенскаго волостнаго правленія	20 „ — „
7. Отъ продажи овса, льна и шерти	2 „ 75 „

б) Отъ постороннихъ лицъ:

1. Членскаго взноса	96 „ 18 „
2. По листамъ	66 „ 50 „
3. Изъ церковной кружки	8 „ 50 „
4. Изъ частныхъ кружекъ	62 „ 75 „
5. Тарелочнаго сбора	5 „ 56 „
6. Протоіерея о. Іоанна Сергіева	100 „ — „
7. Пермскаго уѣзднаго земства	10 „ — „

Какъ видно, пожертвованій отъ мѣстныхъ прихожанъ поступило крайне мало; но больше привлечь было и невозможно. Соблюдая бережливость, попечительство надѣется, что съ Божіей помощью и добрыхъ людей оно со временемъ увеличитъ размѣръ собираемыхъ средствъ до необходимой нормы и хотя отчасти сможетъ удовлетворить нужды прихода, мѣстнаго храма, школы и проч.

Дѣятельность попечительства.

Въ отчетномъ году было одно общее собраніе, засѣданій совѣта 8. Въ одномъ изъ засѣданій совѣта къ прежнимъ 27 членамъ избрано еще нѣсколько новыхъ, изъ-виѣ прихода. Всѣхъ членовъ въ 1896 г. было 108, изъ нихъ 2 покровителей, 81 почетныхъ членовъ, 4 соревнователя, 17 сотрудниковъ и 4 непремѣнныхъ. Всѣмъ членамъ были разосланы пригласительныя бланки отъ совѣта и подписныя листы для пожертвованій; а шести членамъ даны еще и кружки для сбора денегъ виѣ прихода—на лѣсовозныхъ пристаняхъ г. Бердинскаго—И. В. Смирнову и М. Н. Медвѣдеву, г. Жирнова—П. Е. Постникову и А. И. Ярову, г. Лантева—П. А. Смышляеву, г-жи Сатиной—А. Я. Нѣмтину.

Дѣятельность попечительства, въ виду небольшихъ денежныхъ средствъ его и за позднимъ поступленіемъ ихъ въ кассу попечительства, могла выразиться только въ слѣдующемъ:

1. *Помощь бѣднымъ.* Предъ вами круглый сирота Александръ Трошковъ, 9 л.; онъ учится и живетъ въ мѣстной школѣ. На содержаніе Т. попечительствомъ выдано 1 р. 50 к. Въ дальнѣйшемъ до окончанія курса въ школѣ, мальчикъ Т., какъ сирота, всецѣло долженъ воспитываться на средства попечительства, которое теперь и ищетъ какого либо благотворителя безпріютному сиротѣ. Ученикъ мѣстной школы Иванъ Калтыринъ, 9 л., имѣетъ 5 маленькихъ братьевъ, бѣднаго отца и больную мать. Живетъ Иванъ въ 5 верстахъ отъ школы; ему очень хочется учиться, но у него зимой не въ чемъ было ходить въ школу. Отцу Ивана выдано на обувь и платье для сына 4 руб. 70 коп. Крестьянинъ переселенецъ Лонгинъ Дементіевъ Морозовъ, 40 л., трезвый, болѣвъ глазами, слѣповать. М. имѣетъ 5 малолѣтковъ; старшей дочери 15 лѣтъ, но она „недоумокъ“. Живетъ М. въ лѣсу, въ землянкѣ, которую для тепла сдѣлалъ въ логоу. Семья М. и онъ самъ лѣтомъ часто питаются только ягодами „малиной“ а теперь «соченьками», которые сушатъ „на каменкѣ“. Несчастные сильно голодаютъ. Нынѣ зимой М. совсѣмъ не могъ работать: у него не было теплаго платья и обуви. Къ празднику Рождества Христова М. выдано 3 руб. Не обажетъ ли еще кто либо свою помощь больному М.? Престарѣлая кр. Екатерина Иванова Брюшкова, 82 лѣтъ, родственниковъ не имѣетъ; работать не можетъ. Брюшковой за отчетный годъ выдано 10 руб. въ пособіе.

Приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что попечительство, по мѣрѣ силъ и средствъ, старается прійти на помощь не первому попавшемуся на глаза бѣдняку, а именно тѣмъ, кто болѣе нуждается и не умѣетъ или не можетъ протягивать руку за милостыней.

2. *Попеченіе о мѣстной школѣ.* Успенская церковная школа открыта въ сентябрѣ 1884 года. Ученье бесплатное. Къ началу нынѣшняго учебнаго года дѣтей въ школѣ состояло: 27 мальчиковъ и 3 дѣв. = 30. Дѣтей могло быть больше, но помѣщеніе школы тѣсное; необходимо его расширить, но нѣтъ для этого пока средствъ. Съ расширеніемъ помѣщенія школы можно было бы открыть обученіе дѣтей какимъ либо кустарнымъ промысламъ. Развитіе ремеслъ и мелкой обрабатывающей промышленности въ приходѣ при описанныхъ выше крайне

неблагоприятныхъ хозяйственно-экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ находится мѣстное населеніе, должно составить, по мнѣнію попечительства, одну изъ первыхъ задачъ, когда явится болѣе притокъ средствъ въ кассу попечительства. При школѣ имѣется маленькое общежитіе для дѣтей изъ дальнихъ деревень. Въ отчетномъ году на покупку самовара въ общежитіе дѣтямъ, на переплетъ учебныхъ книгъ и проч. употреблено 26 руб. 5 коп.

Финансовая сторона дѣятельности попечительства этимъ и заканчивается. Далѣе характеръ дѣятельности другой, именно:

а) *Устройство чтеній съ свѣтовыми картинами.* Такихъ чтеній было пока только одно — въ декабрѣ. Фонарь и картины любезно далъ врачъ М. И. Золотовъ. Читался „Соловецкій монастырь“. Показано 18 картинъ. Последніе двѣ картины — здравствующій Государь и Царица вызвали восторгъ слушателей. Хоръ дѣтей пропѣлъ „Боже Царя Храни“ два раза и „Славься“. Въ будущемъ, если средства позволятъ, попечительству хотѣлось бы завести свой фонарь и картины *).

б) *Борьба съ нравственными недостатками.* Искорененіе пьянства, сквернословія, табакокуревія, своеволія молодежи, сутяжничества, безпричинныхъ и бездѣльныхъ семейныхъ раздѣловъ и проч. — все это составляетъ предметъ особой бдительности попечительнаго совѣта. Въ видахъ поднятія религіозно-нравственнаго уровня прихода, путемъ братскаго совѣта и сердечнаго убѣжденія, члены дружески располагаютъ народъ къ усердному посѣщенію праздничныхъ богослуженій, ежегодному говѣнью, усиленному пожертвованію на св. храмъ, къ освященію всякаго дѣла, особенно посѣва и уборки хлѣбовъ, молитвою. Свою миссію члены совѣта выполняли свято, и во многомъ имѣли, хотя не большой, успѣхъ; здѣсь надо положить еще много энергіи, труда и любви. Закрытіе съ 1 января 1897 года въ нашемъ приходѣ,

*) Мы уже закончили этотъ отчетъ, какъ неожиданно Богъ послалъ намъ благотворителя — Василія Ивановича г. Шайдурова, который далъ попечительству 100 руб. на покупку фонаря и свѣтовыхъ картинъ для чтеній и обѣщалъ дать еще тысячу рублей, если Успенское общество построитъ особое зданіе, гдѣ дѣти могли бы обучаться ремесламъ в мелкой обрабатывающей вустарной промышленности, въ цѣляхъ поднятія экономического благосостоянія населенія. Спасибо сердечное благодѣтелю! Теперь попечительству предстоитъ построить ремесленную школу. Но гдѣ найти денежные средства для возведенія новаго зданія, на обзаведеніе его и содержаніе мастеровъ — учителей...? Единственная надежда на добрыхъ людей,

по приговору общества, питейнаго заведенія, которое, по видимому, прочно и давно обосновалось здѣсь и дало свои печальные плоды—это закрытіе есть результатъ нравственнаго воздѣйствія членовъ совѣта на приходъ. Въ сознаніе здѣшняго народа теперь по видимому крѣпко виѣдрился вредъ вина и вредъ кабака, и можно надѣяться, что въ сознаніи этого вреда нашъ народъ не сведетъ дружбу съ тайной продажей питей—этимъ худшимъ зломъ.

в) *Благоустройство кладбища.* Много-много лѣтъ наше кладбище представляло унылый и скорбный видъ—кресты по мѣстамъ свалились, могилы разбросаны гдѣ попало; изгороди вокругъ кладбища не было и слѣда; скоть—лошади, коровы, овцы, свиньи—бродили здѣсь безъ призора; все было изрыто, истоптано и т. д. 23 сентября 1896 г. членами попечительнаго совѣта вызвано было сюда все возрастное мужское населеніе—и что же? въ одинъ день было сдѣлано то, что собирались сдѣлать десяткомъ лѣтъ: кресты поправлены, площадь кладбища расширена; лѣсъ въ безпорядкѣ выросшій вырубленъ; кучи всякаго хлама выжжены; поставлена новая изгородь. Кладбище, какъ муравейникъ, было усѣяно народомъ. Дружная работа цѣлаго прихода кипѣла. Всеъ объединены были однимъ желаніемъ, одною мыслию. Вскорѣ кладбище приняло другой видъ.

Отрадные случаи въ жизни попечительства.

Первый—это пожертвованіе на нужды попечительства многоуважаемымъ отцемъ протоіереемъ Іоанномъ Ильичемъ Сергіевымъ (Кронштадскимъ) ста рублей. Жертва эта имѣетъ для попечительства особенно важное значеніе, какъ свидѣтельство со стороны столь прославленнаго святостию жизни пастыря его любви и сочувствія къ дѣятельности попечительства. Сообщая объ этомъ фактѣ сочувствія о. Іоанна Кронштадскаго, попечительство надѣется, что съ настоящаго времени оно встрѣтитъ со стороны добрыхъ людей лучшей откликъ къ цѣлямъ и задачамъ попечительства. Примѣръ о. Іоанна—примѣръ достойный подражанія. Второй случай—это пожертвованіе нашей церкви двухъ новыхъ ризъ и 3-хъ-свѣчника къ св. Пасхѣ Петромъ Демидовичемъ Демидовымъ и его добродѣтельнѣйшей семьей. Этотъ даръ поступилъ во время: въ свѣтлый праздникъ 3-хъ-свѣчникъ и новыя ризы служили блзгоугоднымъ украшеніемъ въ бѣдномъ храмѣ с. Успенскаго. Третій случай—это пожертвованіе, такъ же къ св. Пасхѣ, Николаемъ

Юсифовичемъ Сидоровымъ пяти-свѣчника за святой престоль. Въ отчетномъ году Сидоровъ былъ весьма дѣятельнымъ почетнымъ членомъ попечительства. Четвертый случай — пожертвованіе Анной Федоровой Вострецовою хорошей парчи въ нѣсколько аршинъ. За всѣхъ жертвователей возносятся молитвы при каждомъ служеніи литургии.

Заканчивая настоящій отчетъ, попечительство считаетъ нужнымъ оговориться, что дѣятельность его по нѣкоторымъ отраслямъ его вѣдѣнія за первый годъ существованія можно назвать нѣсколько слабоватою; но это объясняется прежде всего недостаткомъ средствъ, а потомъ — новизною дѣла. Мы увѣрены, что дѣятельность попечительства расширится: нашъ православный русскій народъ любитъ благотворить, не оставитъ онъ своею любовію и поддержкой и наше юное попечительство.

С. В. П.

ДОЛГЪ ИЛИ ЛЮБОВЬ?

(Р а з с к а з ъ).

Была одна изъ самыхъ темныхъ весеннихъ ночей. Холодный сѣверовосточный вѣтеръ дулъ съ ужающей силой. Свинцовыя облака, нависши надъ землей, съ страшною быстротою бѣжали по небу.

Широкая, многоводная рѣка К. ^{Амуръ} грозно шумѣла, играя волнами, точно море въ бурную погоду. По всему пространству широко разливавшейся рѣки грядями бѣжали волны, разбиваясь другъ о друга и обдавая окружающее мелкой водяной пылью...

Плохо приходилось тѣмъ, кого ночь застала на рѣкѣ. Смерть постоянно витала надъ головами ихъ, и мутныя волны ежеминутно грозили поглотить въ своихъ холодныхъ водахъ несчастныхъ пловцовъ...

Вдругъ сильный, рѣзкій окрикъ пронесся надъ рѣкой, пересиливалъ все возраставшій шумъ и грохотъ расходившихся стихій.

Это — крикнулъ рулевой на лодкѣ которая съ величайшимъ трудомъ старалась пересѣчь рѣку по направленію къ селу, раскинувшемуся по возвышенному берегу рѣки. Огни, тамъ и сямъ мерцавшіе въ домикахъ обывателей села, служили для рулевого маякомъ, опредѣлявшимъ направленіе лодки.

Въ лодкѣ было пятеро мужиковъ. Одинъ управлялъ рулемъ, а четверо сидѣли въ веслахъ. Все это былъ народъ приземистый, съ сильно развитыми мускулами, привычный къ бурямъ и непогодамъ. Было по всему видно, что они постоянно проводили время на водѣ и были

хорошо знакомы со всѣми ужасами бурной ночи на многоводной, разлившейся на десятки версть, рѣкѣ.

Совершенно растегнутыя фуфайки, несмотря на пронизывающій до костей вѣтеръ; обильный потъ, струившійся по ихъ губамъ и лицамъ; серьезныя, нахмуренныя лица; свѣтившіеся стальнымъ блескомъ и упорно смотрѣвшіе предъ собой глаза,—все показывало, что даже привычнымъ людямъ,—рыбакамъ,—какими были они,—ночная переправа чрезъ бушующую рѣку была въ высшей степени тяжела и опасна. Замѣтно было, что только крайняя нужда погнала ихъ изъ теплаго угла на борьбу съ разбушевавшейся стихіей.

Прошелъ томительный часъ, прежде чѣмъ лодка пристала къ берегу.

Гребцы вышли на берегъ и всѣ разомъ; точно по командѣ, перекрестились на темнѣвшую впереди церковь.

— Слава тебѣ, Господи! Приѣхали—проговорилъ одинъ изъ гребцовъ.

— Ужъ и ночь! Сроду не видалъ такихъ,— замѣтилъ рулевой, вытирая рукавомъ рубахи потъ съ лица.

— Да, подтвердили другіе и, застегивая на ходу свои фуфайки, направились къ темнѣвшей впереди ихъ церкви.

II.

Почти напротивъ самой церкви блестѣло въ темнотѣ нѣсколько огоньковъ, расположенныхъ въ рядъ и принадлежащихъ, по всѣмъ признакамъ, одному дому. Судя по огнямъ, домъ былъ сравнительно большой. Въ сосѣдствѣ свѣтились только три огонька. Тотъ домъ, который былъ побольше, принадлежалъ священнику, а три огонька, привѣтливо мерцавшіе въ темнотѣ, принадлежали дому псаломщика.

Въ домѣ священника слышался шумъ и крикъ дѣтскихъ голосовъ. Въ одной изъ комнатъ, носившей названіе «столовой», два мальчика и дѣвочка играли въ лошадки. Дѣти были весьма похожи другъ на друга: кудрявыя волосы, черные, живые глаза, мелкія черты лица у всѣхъ,—все обличало въ нихъ братьевъ и сестру. Мальчики, изъ которыхъ одному на видъ было лѣтъ 8, а другому 6—взявшись за руки, кружились по комнатѣ. Чрезъ плечо у каждаго тянулась тесемка, концы которой находились въ рукахъ у пятилѣтней дѣвочки. Мальчики изображали изъ себя лошадокъ, а дѣвочка—кучера. Она съ громкимъ крикомъ подгоняла братьевъ кнутомъ, который у нихъ замѣняла веревочка, привязанная къ палочкѣ.

— Но! Но!—кричала дѣвочка каждый разъ, какъ только мальчики, уставши отъ бѣготни останавливались и не хотѣли итти дальше...

Съ лѣвой стороны комнаты, у стѣны стоялъ диванъ, а предъ нимъ столъ. На диванѣ сидѣла молодая женщина, съ черными, живыми глазами и блѣднымъ лицомъ. Предъ ней, на столѣ, въ беспорядкѣ валялись обрывки различныхъ матерій. Она тщательно ихъ обрѣзала и спи-

вала. Очевидно, готовилось разноцвѣтнос одѣяло. Время отъ времени она отнимала глаза отъ работы и смотрѣла на игравшихъ дѣтей. Глаза ея загорались материнской любовью, и улыбка озаряла ея красивое, блѣдное лицо. По временамъ она долго не отрывала взгляда отъ дѣтей, повидимому, сама заинтересовавшись ихъ игрой.

— Мама, мама! кричала дѣвочка. — Скажи Петѣ, чтобы онъ бѣжалъ. А то онъ не хочетъ бѣгать.

— Нѣтъ, мама я бѣгалъ уже много. Я усталъ. — И младшій изъ мальчиковъ, какъ-бы въ доказательство того, что онъ, дѣйствительно, усталъ, — разлегся на полу.

— Встань, Петя! Нехорошо лежать на полу, — замѣтила мать. — А вы, — обратилась она ко всеѣмъ дѣтямъ, — перемѣнили бы игру. А то я вижу, она вамъ надоѣла. Да и возится вамъ не время. Скоро спать, — а передъ своимъ шумѣть вамъ нельзя: того гляди, что скоро не заснете».

— Мы еще разокъ пробѣжимъ! просила дѣвочка. — Одинъ только разокъ. Можно мама?

— Бѣгите, но только послѣдній разъ.

И дѣти съ громкими криками и искреннимъ, веселымъ смѣхомъ побѣжали опять вокругъ комнаты.

Взглянувши на стѣнные часы, молодая женщина положила на столъ работу, которую до тѣхъ поръ держала въ рукахъ, — и встала съ дивана.

— Ужъ 9 часовъ, — пора и ужинать. Собирать? — проговорила она, обращаясь по направленію къ растворенной двери сосѣдней комнаты, гдѣ находился хозяинъ дома.

Онъ ходилъ по залѣ и время отъ времени мягкимъ, груднымъ баритономъ напѣвалъ одинъ и тотъ же мотивъ «Херувимской». Лицо его было серьезно. Видно было, что важныя думы завладѣли его головой.

— Такъ что жъ, Саша, — вели собирать, — отвѣтилъ онъ на вопросъ жены и снова началъ ходить по залѣ.

Въ столовой появилась кухарка и, съ помощью хозяйки, начала накрывать столъ и разставлять приборы.

Дѣти бросили играть и со смѣхомъ и криками потащили къ столу стулья, споря другъ съ другомъ, кому гдѣ сѣсть...

III.

Начался скромный ужинъ. Семья, собравшись за столомъ, тихо разговаривала, усердно утоляя свой голодъ...

Вдругъ въ одно изъ оконъ кухни кто-то громко застучалъ снаружи.

— Кого-то Богъ несетъ въ такую погоду? — полеживши на столъ ложку, проговорилъ о. Андрей. — Матрена! отпри и спроси, чего нужно, — крикнулъ онъ кухаркѣ.

— Вѣроятно, треба! сказала матушка. — И видно спѣшная, если пришли въ такую погоду. Опять не дадутъ тебѣ поужинать, какъ слѣдуетъ.

Вошла кухарка.

— Батюшка! къ вамъ... Изъ Зарѣчья съ требой мужики пріѣхали... Семенъ съ братьями да съ работникомъ...

— Изъ Зарѣчья?! ужаснулась матушка — Да кто въ такую погоду, да еще ночью, поѣдетъ чрезъ рѣку?!

О. Андрей въ это время уже отворялъ дверь въ кухню.

Въ кухнѣ сидѣли на лавкахъ знакомые намъ рыбаки. Видно было, что они обрадовались кухонному теплу. Они порастегивали свои фуфайки и, молча, оглядывали убранство кухни. Кухарка возилась около печки, время отъ времени покрикивая на жирнаго, лѣниваго кота, когда тотъ намѣревался понюхать что-нибудь изъ съѣдобнаго, стоявшаго на столѣ и на лавкахъ.

О. Андрей вошелъ въ кухню. Мужики разомъ встали и одинъ за другимъ подошли подъ благословеніе.

— Что вамъ нужно, ребята? — ласково спросилъ ихъ о. Андрей.

— Къ вамъ батюшка, съ просьбой, — заговорилъ коренастый мужикъ, который во время переправы управлялъ рулемъ.

— Матушка у насъ, вишь, помираетъ. Просить сподобиться. Ужъ сдѣлайте милость, не откажите.

При послѣднихъ словахъ мужики поклонились о. Андрею.

— Какъ? Матвѣевна захворала? спросилъ о. Андрей. — Да вѣдь я ее недавно видѣлъ. Здоровехонька была.

О. Андрей зналъ эту семью и любилъ ее.

— Не знаемъ, что и сдѣлалось съ ней. Третьеводни прихватило... Умираю, говорить... Съѣздите за батюшкой, — заговорили въ одинъ голосъ мужики.

— Да что же съ ней? продолжалъ допрашивать о. Андрей.

— И не знаю что... Лежитъ какъ колода, да стонетъ. Жалуется: и тутъ, говоритъ, больно, и тутъ... Всю разломило. Ыздили было въ городъ къ дохтуру. Говоритъ: я не поѣду къ ней, — погода, вишь, больно плоха. Привезите, говоритъ, ее ко мнѣ, а, не выдавши, я не могу лѣчить. Ну а гдѣ ужъ тутъ везти: съ мѣста тронуть нельзя, — сокрушеннымъ голосомъ докладывалъ рулевой.

— Такъ ужъ вы, батюшка, не откажите. Уважьте старуху то. Боятся больно безъ причастья-то помереть. Года-то ей не малые, да болѣетъ то... Упросомъ просила съѣздить за вами. Батюшка, говоритъ, добрый, — не откажетъ пріѣхать. Мы было то и се. До утра бы, говоримъ, матушка, подождать. Боязно ночью-то ѣхать.. Ишь ты какъ рѣка-то разыгралась.

— А что, плохо было ѣхать? прервалъ рулевого о. Андрей.

— Ужъ такъ плохо, такъ плохо, что и сказать нельзя.

— И рулевой только потрясъ головой, будучи не въ силахъ выразить всю опасность ночной переправы чрезъ разгулявшуюся рѣку.

О. Андрей сосредоточенно замолчалъ. Замолчали и мужики, опустивши глаза, и только время отъ времени взглядывали на задумавшагося священника. Лицо послѣдняго было серьезно и выражало страшную борьбу. «Ѣхать сейчасъ или подождать до утра?» думалъ онъ, и никакъ не могъ рѣшить этого вопроса. И Ѣхать опасно, и ждать нельзя, — тамъ съ нетерпѣніемъ ждетъ сто умирающая старуха.

Ничего не рѣшивши, онъ предложилъ мужикамъ пока посидѣть, а самъ пошелъ въ столовую.

Въ дверяхъ онъ столкнулся съ женой, которая все время стояла тутъ и слушала его бесѣду съ рыбаками. Матушка была страшно взволнована.

Ея блѣдное лицо покраснѣло. Руки нервно подергивали бывший на ней фартукъ.

— Неужели ты поѣдешь сейчасъ? нервно заговорила она, какъ только затворилась дверь въ кухню. — Вѣдь это — безуміе! Ѣхать въ такую погоду, да еще ночью... Что ты, что ты! Опомнись, Христа ради... Вѣдь ты не одвухъ головахъ... Видишь, они сами говорятъ, что опасно Ѣхать... Я думаю, никто не взыщетъ, если ты не поѣдешь...

О. Андрей ничего не говорилъ. Молча, онъ сѣлъ за столъ и взялъ ложку, но, немного подержавши, опять положилъ ее на столъ. Было замѣтно, что онъ хотя и смотрѣлъ на жену и слышалъ ея слова, но ничего не понималъ. На лицѣ его отражалась сильная, мучительная, внутренняя борьба.

— А все-таки нужно Ѣхать, — наконецъ, проговорилъ онъ. — Тамъ Матвѣевна, чай, — ждетъ съ нетерпѣніемъ...

— Неужели ты собираешься Ѣхать? всплеснула руками жена. — Подумай...

— Да! Нужно Ѣхать, хотя и опасно, — проговорилъ о. Андрей. Хотя личному счастью моему и грозитъ опасность, но... тамъ ждетъ утѣшенія умирающая старуха. Нашъ долгъ — презирать для паствы личные удобства.

Матушка во все время его рѣчи ужасно волновалась и все порывалась что-то сказать.

— Да вѣдь никто не осудитъ, если ты не поѣдешь, — наконецъ проговорила она. — Всѣ поймутъ, что ты такъ сдѣлалъ не изъ трусости, а повинуюсь благоразумнымъ требованіямъ разсудка. Вѣдь жизнь твоя дороже и для семьи, и для прихода, чѣмъ желаніе Матвѣевны. И Богъ не спроситъ съ тебя. Онъ видитъ, что ты руководился благоразуміемъ, а не страхомъ опасности.

Матушка говорила съ сильнымъ чувствомъ, дрожащимъ голосомъ, съ нервной жестикуляціей.

— А совѣсть? спросилъ ее, поднявши глаза отъ тарелки, о. Андрей — Что она скажетъ? Что мнѣ людскіе толки предъ судомъ совѣсти!

Голосъ его постепенно крѣпѣлъ, какое-то вдохновеніе зажигалось въ его глазахъ. Онъ всталъ со стула.

— А совѣсть? спрашиваю я,—повторилъ онъ:—Куда я дѣнусь отъ ея суда?.. А что она осудить,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.—Если, не дай Богъ! Матвѣевна умретъ безъ покаянія, и это будетъ по моей винѣ,—что тогда будетъ?.. У меня всегда будетъ стоять предъ глазами покойница и кротко, но укоризненно будетъ смотрѣть на меня. «Эхъ, ты—пастырь православный, буду читать въ ея взорѣ,—призванный душу свою полагать за овцы своя! Куда дѣлась твоя горячая и настойчивая проповѣдь о долгѣ каждаго христіанина предпочитать земное, тлѣнное, скоро-переходящее—вѣчному, небесному блаженству во Христѣ. Гдѣ та любовь человѣческая, которая ничего не щадитъ для друга,—вѣнецъ которой—пожертвованіе жизнью за ближнихъ своихъ?! Значитъ, все, что ты говорилъ,—одни только пустыя слова? Зачѣмъ же, послѣ этого, ты шелъ во священники? Зачѣмъ ты взялъ на свои рамена нелегкую ношу—спасеніе паствы? Зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ?..

О. Андрей смотрѣлъ на жену, но не видалъ ея. Онъ весь ушелъ въ созерцаніе нарисованной имъ картины. Глаза его блестѣли. Онъ поднялъ предъ собой руку,—и въ этомъ видѣ казался какимъ-то вдохновеннымъ пророкомъ.

Жена слушала его нервную рѣчь съ широко раскрытыми глазами. Не смотря на серьезность минуты, она залюбовалась на него: такъ хорошъ, такъ дорогъ ей онъ показался въ эти мгновенья.

О. Андрей замолчалъ. Потомъ, какъ бы очнувшись отъ сна,—онъ выпрямился и рѣшительнымъ тономъ проговорилъ: «Бду».

На минуту забывшая страшную дѣйствительность, матушка очнулась. Сознаніе опасности опять съ страшной силой заговорило въ ней.

— А вдругъ ты утонешь? Что я буду дѣлать? Вѣдь, подумай, у тебя дѣти. Что съ ними то будетъ?—съ ужасомъ спрашивала она, совершенно пораженная рѣшительнымъ тономъ мужа.

— Что будетъ, то будетъ и того не миновать;—съ напускной веселостью проговорилъ о. Андрей.—Ужинать уже я не стану. А ты бы, Саша, дала мнѣ чегонибудь потеплѣе одѣться. Холодно на волѣ то...

— Мнѣ все не вѣрится, что ты хочешь ѣхать,—проговорила матушка. Въ голосѣ ея слышались слезы.

— Вдругъ, не дай Богъ, утонешь, что съ нами будетъ?..

— Ну, Богъ дастъ, — ничего не будетъ. Приѣду завтра невредимъ... А отказался, — ты сама понимаешь, — нельзя. Старуха была большая радѣльница до церкви, — очень, очень религіозна... Ей это послѣднее утѣшеніе здѣсь, на землѣ. Видишь докторъ-то отказался ѣхать,—хоть это и не по совѣсти,—а намъ, священникамъ, отказываться нельзя. Насъ всѣ осудятъ... Да и Богу отвѣтъ дамъ за это. А мука-то теперь для нея какая: ждетъ, чай, не дождется меня...

Последнее ей утѣшеніе осталось на землѣ... А ты все-таки давай—готовь меня въ дорогу.

Слова о. Андрея, видимо, подѣйствовали на матушку. Она уже съ меньшимъ волненіемъ стала готовить мужа въ дорогу, отыскивая ему теплую одежду.

Тѣмъ временемъ о. Андрей вышелъ въ кухню къ ожидавшимъ его рыбакамъ, которые бесѣдовали съ кухаркой о болѣзни Матвѣевны.

Увидя о. Андрея, мужики встали.

— Ну, вотъ что.. Я ѣду. Ты, Семень,—обратился о. Андрей къ рулевому, — пойдемъ со мной въ церковь. Нужно взять тамъ дароносицу.

— Слушаю, батюшка,—проговорилъ Семень и началъ застегивать свою фуфайку.

О. Андрей, вернувшись въ столовую, надѣлъ простые «русскіе» сапоги, которые приготовила для него матушка,—теплый ватный подрясникъ и, взявши шляпу и церковные ключи, вошелъ въ кухню.

Семень былъ готовъ и держалъ въ рукахъ свою шапку.

Оба вышли изъ кухни.

Взявши изъ церкви дароносицу, о. Андрей съ глубокимъ чувствомъ помолился предъ царскими вратами, и вышелъ изъ церкви.

Дома, между прочимъ, все было готово. На столѣ лежала старая мѣховая шапка, потому что при такомъ сильномъ вѣтрѣ шляпу надѣть было нельзя. Въ кухнѣ на лавкѣ лежали драповая ряса, рукавички и байковое одѣяло—закрыть ноги.

О. Андрей нѣсколько разъ истово перекрестился передъ образами.

— Благослови дѣтей—то,—сказала матушка.—Вѣдь неизвестно, что будетъ... Можетъ больше и не увидишь ихъ.

Въ ея голосѣ снова послышались слезы.

О. Андрей поспѣшно благословилъ cadaго изъ дѣтей, которыя все время съ любопытствомъ наблюдали за происходившимъ, не понимая, отчего такъ волнуются отецъ и мать.

— Прощай, родной мой! кинулась матушка на шею мужа.

Слезы ручьемъ текли у нея изъ глазъ. Она такъ и замерла, припавши къ его груди.

— Ну, полно, полно... проговорилъ онъ, хотя у него самого голосъ задрожалъ, и слезы едва-едва не капали изъ глазъ. Видимо, онъ бодрился, не желая въ конецъ разстраивать жену.

— Видишь, дѣти заплакали, глядя на тебя,—проговорилъ онъ и нѣжно отнялъ ея руки.—Возьми ихъ: имъ вредно плакать на ночь...

О. Андрей торопливо вышелъ въ кухню. Одѣвшись, онъ направился къ двери. Всѣ потянулись за нимъ. Всѣмъ чувствовалось неладно. Мужикамъ не хотѣлось идти изъ тепла на холодный, пронзительный вѣтеръ. О. Андрей пробирала нервная дрожь, при представленіи опаснаго переѣзда чрезъ рѣку. Матушка и кухарка, провожавшія отъѣзжа-

ющихъ, были взволнованы тѣми же непріятными мыслями объ опасномъ прти.

IV.

Густой мракъ охватилъ о. Андрея и его спутниковъ, какъ только они вышли изъ дома. Ночная темнота еще болѣе усиливалась рѣзкимъ переходомъ отъ свѣта къ мраку. Вѣтеръ порывисто дулъ. Свинцовыя тучи низко пробѣгали надъ землей. Моросилъ мелкій дождикъ, обладавая путниковъ, при сильныхъ порывахъ вѣтра, водяною пылью.

— Прощайте,—послышались голоса провожавшихъ.

Раздался стукъ захлопнутой калитки и визгъ задвигаемаго засова.

— Давайте, батюшка, руку,—проговорилъ Семень.—А то неравно не упадите. Ишь какая тьма... Долго ли до грѣха,—поскользнетесь или запнетесь за что...

И взявши за руку о. Андрея, онъ самоувѣренно зашагалъ по направленію къ рѣкѣ.

— Плохонько будетъ ѣхать-то, Сени!—обратился къ провожатому о. Андрей.

— Ужъ такъ плохо, такъ плохо, что и не знаю... Кабы не матушка, кажись,—и со двора не вышелъ бы въ такую погоду. Крещеный человѣкъ и собаку не выгонитъ сейчасъ, не токма—что... Извѣстно, только-нужда...

— Дѣйствительно,—согласился о. Андрей,—если-бы не нужда, не поѣхали бы... А нужда такая, что не ѣхать нельзя. Неравно помретъ безъ причастія. Великій грѣхъ будетъ на нашей душѣ, если это случится по нашей винѣ...

Бесѣдуя, они дошли до берега и безъ труда отыскали свою лодку.

Семень подтянулъ ее поближе къ берегу. Вскочивши въ лодку, онъ помогъ перейти на нее и о. Андрею. За нимъ вошли въ лодку и гребцы. Заботливо усадивши о. Андрея и закутавши ему ноги принесеннымъ одѣяломъ, Семень соскочилъ на берегъ и отвязалъ веревку отъ столбика. Лодку сильно откинуло отъ берега, такъ что Семень едва не слетѣлъ въ воду. Однако соединенными усиліями Семена и гребцовъ ее тотчасъ же удалось поставить на прежнее мѣсто.

— Ну, Господи благослови! проговорилъ Семень и прыгнулъ въ лодку. Послѣдняя закачалась и пошла отъ берега.

Переѣзжать чрезъ рѣку было весьма трудно. Сильный, порывистый вѣтеръ поднималъ громадныя волны, которыя съ шумомъ катились одна за другой. Волны были еще крупнѣе тамъ, гдѣ находилось обыкновенное русло рѣки...

Лодку кидало волнами изъ стороны въ сторону. Семень, стоявшій на рулѣ, зорко смотрѣлъ по сторонамъ, и въ нужный моментъ ставилъ лодку такъ, чтобы волны не могли опрокинуть ее.

Среди гребцовъ царствовало молчаніе. Ихъ нахмуренныя лица свидѣтельствовали, что они вполне проникнуты сознаниемъ опасности на реѣзда. Они равномерно откидывались взадъ и впередъ, съ особенной силой налегая на весла, когда слышался крикъ рулевого: «Берегись!»...

О. Андрей тоже молчалъ. Мысли вереницей пробѣгали въ его головѣ. Сознаніе опасности давило его... Онъ мысленно переживалъ всю свою прошедшую жизнь, видѣлъ дорогія лица жены и дѣтей... Съ изумительной отчетливостью и быстротой пробѣгали въ его головѣ факты его дѣтской, домашней жизни, его ученія, женитьбы и пастырской дѣятельности... Постепенная нить этихъ фактовъ почти постоянно прерывалась картинами семейной жизни. „Теперь, чай, укладываются спать“, — думалъ онъ. Его взору представлялась спальня. Жена съ помощью кухарки укладываетъ дѣтей. Послѣднимъ еще не хочется спать. Они шумятъ, не даютъ раздѣвать ихъ... „Тише, тише!“ останавливаетъ ихъ мать, и въ ея голосъ, который она хочетъ сдѣлать строгимъ, — невольно слышится горячая привязанность къ дѣтямъ...

— Саша, — милая! — шепчуть уста о. Андрея.

— „О, Господи!“ — вдругъ крикнулъ одинъ изъ гребцовъ.

О. Андрей вздрогнулъ и оглянулся. — Оказалось, что у одного изъ гребцовъ вырвало изъ рукъ весло.

Тотчасъ же нацѣпили запасное весло, и лодка, попрежнему, медленно, съ страшной борьбой, продолжала пересѣкать рѣку.

Въ головѣ о. Андрея опять замелькали картины прошлаго.

Прошло томительныхъ полчаса послѣ того какъ наши путники сѣли въ лодку. Быстрота течения и страшные порывы вѣтра сильно затрудняли переѣздъ чрезъ рѣку. Впрочемъ, недалеко былъ уже другой берегъ, весь залитый водой. Тамъ было меньше опасности, хотя также рѣка несла свои мутныя волны съ стремительной быстротой.

Гребцы выбивались изъ силъ. Но энергія ихъ не только не ослабѣвала, но, казалось, выростала по мѣрѣ опасности.

Рулевымъ, точно прикованный, стоялъ на своемъ посту и однообразно выкрикивалъ: „Берегись!“ — когда громадныя волны грозили затопить лодку. Глаза его свѣтились металлическимъ блескомъ. Онъ, казалось, былъ въ своей стихіи; борьба съ бушевавшей рѣкой воодушевляла его.

Раздался вдругъ трескъ. Конецъ руля отломился по теченію и поплылъ.

Во всѣхъ охватилъ ужасъ. Лодку, оставшуюся безъ управленія, стало поворачивать, какъ щепку. Весла какъ-то невольно выпали изъ рукъ гребцовъ...

Наступала страшная минута...

Бороться съ разъяренной рѣкой безъ руля было невысказимо...

На всѣхъ лицахъ застыло выраженіе ужаса.

— Что же это такое? — пробормоталъ рулевымъ.

Энергія, повидимому, оставляла его.

— Потонемъ!—мрачно замѣтилъ одинъ изъ гребцовъ, и это слово какъ бы отрезвило всѣхъ.

Во всѣхъ проснулась жажда жизни. Энергія, на минуту оставившая ихъ, проснулась съ необычайной силой. Вопросъ: „быть или не быть? жить или умереть?“—поднялъ всѣ силы души. Мозгъ заработалъ съ отчаянной быстротой. Дрожавшія руки пріобрѣли прежнюю крѣпость... Весь организмъ приготавлился къ смертельной борьбѣ съ страшнымъ врагомъ.

Готовилась борьба не на животъ, а на смерть. Человѣкъ какъ бы кидалъ вызовъ рѣкѣ на смертельный бой и рѣшилъ продать свою жизнь дорогой цѣной.

Всѣ были точно наэлектризованы.

— Будемъ держаться!—первый сказалъ Семень —Куда-нибудь да вынесетъ.

Въ голосѣ его слышалась рѣшимость.

Остальные безмолвно согласились съ нимъ.

Весла заработали съ удвоенной силой.

Семень, взявши послѣднее запасное весло, старался замѣнить имъ руль. Лодка кое-какъ была направлена въ перерѣзъ рѣкѣ.

О. Андрей громко зачиталъ „канонъ на исходъ души“, который онъ такъ любилъ и зналъ наизусть. Голосъ его былъ едва слышенъ въ страшномъ шумѣ бушевавшихъ волнъ и вѣтра.

Всѣ молились. Всѣ каялись въ своихъ вольныхъ и невольныхъ грѣхахъ.

Между тѣмъ, борьба приходила къ концу. Вспыхнувшая было энергія стала ослабѣвать. Лодку опять начало бросать изъ стороны въ сторону, и только, благодаря отчаяннымъ усиліямъ гребцовъ, она еще держалась на водѣ.

Запасное весло не могло въ достаточной степени замѣнить руля. При томъ силы гребцовъ были значительно истощены предшествовавшей борьбой.

Всѣ видѣли близость конца.

О. Андрей, воодушевленный молитвой, громко дочитывалъ канонъ. Рыбаки горячо молились, готовясь безстрашно встрѣтить смерть лицомъ къ лицу. Они были закалены въ жизненной борьбѣ. Смерть неоднократно витала надъ ними. Такимъ людямъ она не особенно страшна...

О. Андрей кончилъ молитву. Только сейчасъ увидалъ онъ, какъ близка къ нимъ смерть. Мысленно онъ простился съ семьей. Ни одна слеза не вытекла изъ его сухихъ, воспаленныхъ глазъ.

— Видите, братцы, смерть къ намъ пришла, — закричалъ онъ, стараясь перекричать окружающій шумъ. — Покайтесь, пока есть время... А я, недо тойный іерей, разрѣшаю васъ отъ всѣхъ грѣховъ.

О. Андрей широко осѣнилъ ихъ крестомъ.

— Прощай, закричалъ было онъ, но не успѣлъ договорить. Кидавшія изъ стороны въ сторону лодку волны, наконецъ, перевернули ее... Всѣ попадали въ воду...

А вѣтеръ по прежнему порывисто дулъ надъ рѣкой. Громадныя волны градами неслись по рѣкѣ..

V.

О гибели ихъ узнали на другой же день.

Матвѣевна умерла вскорѣ послѣ отъѣзда сыновей. Домашніе ея подождали, подождали о. Андрея, и, не дождавшись, рѣшили, что онъ, въ виду плохой погоды, пріѣдетъ утромъ.

Утромъ, — чуть стало свѣтать, — въ село отправленъ былъ посоль съ извѣстіемъ о смерти Матвѣевны, чтобы о. Андрей не беспокоился даромъ.

Погода перемѣнилась. Точно природа ожидала жертвы и, какъ только она была принесена, — успокоилась. Вѣтеръ затихъ, и рѣка несла свои мутныя воды, какъ обычно — въ половодье.

Последній пріѣхалъ въ село. Какъ только онъ сказалъ, что о. Андрей еще не бывалъ въ ихъ деревнѣ, матушка съ крикомъ упала на полъ.

Печальная вѣсть о кончинѣ любимого священника моментально облетѣла село. Масса народа двинулась къ домику о. Андрея.

Тамъ встрѣтилъ ихъ безутѣшный плачь. Матушка все падала въ обморокъ... Едва очнувшись, она снова впадала въ безсознательное состояніе. Дѣти ревѣли, смотря на окружающихъ. Кухарка плакала, горюя о погибшемъ и его семьѣ.

Крестьяне привялись утѣшать ихъ. Но ихъ простыя утѣшенія только растравляли горе...

По рѣкѣ, между тѣмъ, заперстрѣли лодки. Отыскивали утопленниковъ. Пущены были въ ходъ и сѣти, и багры, и вилы... Находились смѣльчаки, которые, не смотря на весенній холодъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ныряли на дно...

Только къ вечеру розыскали всѣ тѣла. Теченіемъ ихъ отнесло версты за три. Густые кусты, росшіе почти на берегу рѣки и совершенно затопленные водою, задержали ихъ.

Лодки отыскать не могли.

Какъ только матушкѣ сказали, что тѣло о. Андрея нашли, она вскочила съ постели, на которой лежала, и съ воплемъ выбѣжала изъ дома..

Съ непокрытой головой, беспорядочно одѣтая — она бѣжала по направлению къ рѣкѣ, откуда уже двигалась на встрѣчу ей печальная процессія.

Съ отчаяннымъ, раздирающимъ душу, крикомъ бросилась она на тѣло мужа, да такъ и замерла на немъ въ безпредѣльномъ горѣ.

Толпа остановилась. Пораженныя такимъ страшнымъ проявленіемъ, горя, бабы плакали навзрыдъ. Мужики потупили глаза. Ихъ, суровыя загрубѣвшія отъ житейскихъ невзгодъ, лица были величаво строги. Непроизвольныя слезы капали на забурѣвшія бороды и усы...

Суровая, закаленная нуждою, мужицкая душа не могла вынести вида обезумѣвшей отъ горя женщины!

Безчувственную матушку едва оторвали отъ тѣла и на рукахъ понесли домой.

Печальная процессія двинулась дальше.

Было что то особенно торжественно-печальное въ этой массѣ народа, безмолвно, съ непокрытыми головами шедшаго за шестью трупами, — въ этой страшной картинѣ человѣческаго несчастія!..

VI.

На третій день, въ воскресенье, были назначены похороны.

Съ ранняго утра массы народа двигались по направленію къ селу. Всѣ знали и всѣ любили покойнаго о. Андрея.

Изъ уѣзднаго города, который былъ всего въ четырехъ верстахъ отъ села, — двигались вереницы экипажей и толпы пѣшихъ горожанъ. Слава о пастырской дѣятельности о. Андрея распространилась на десятки вѣрствъ. Всѣ говорили объ его беззавѣтной любви къ прихожанамъ, объ его готовности удовлетворять, — насколько это было въ силахъ, всѣ духовныя и житейскіе запросы паствы, — о благолѣпіи его службъ, объ его школѣ, объ его заступничествѣ и ходатайствахъ предъ сильными міра сего и т. д.

Въ городѣ знали его и по проповѣдямъ, которыя онъ время отъ времени произносилъ въ мѣстномъ соборѣ. Живое, общедоступное изложеніе, превосходное произношеніе, искреннее, глубокое чувство любви къ ближнимъ, проглядывавшее въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ проповѣдника, — извѣстная всѣмъ его высококонравственная жизнь, — все это влекло къ о. Андрею сердца его слушателей. Его словамъ съ церковной кафедры всѣ внимали, какъ какому-то откровенію. Его наставленія проникали въ душу; его обличенія сдерживали многихъ... Когда онъ проповѣдывалъ въ соборѣ, — соборъ былъ полонъ молящихся.

Поклонники и почитатели о. Андрея шли теперь отдать ему послѣдній долгъ.

Кончина о. Андрея окружила его ореоломъ пастыря - мученика, ставшаго жертвой своего долга.

Всѣмъ хотѣлось поклониться праху почившаго...

Утро было замѣчательно хорошее. Чистое, прозрачное небо, весеннее солнце со своими ослѣпительно-блестящими лучами, согрѣвавшее холодный еще апрѣльскій воздухъ и не вполне оттаявшую землю, — все

указывало на близость весны, — той „настоящей“ весны, когда ожившая природа поетъ несмолкаемый гимнъ своему Творцу..

Гулко разнесся по окрестности первый ударъ большого сельскаго колокола.. Еще не замеръ первый звукъ, какъ раздался второй...

Звонили къ „выносу“.

Шедшіе и ѣхавшіе заторопились...

Изъ церкви двинулся къ дому священника крестный ходъ.

Какъ только ходъ подошелъ къ дому, — предъ гробомъ началась литія. — Духовенство облачилось въ привезенныя каждымъ бѣлыя ризы. Старикъ-протоіерей изъ уѣзднаго города старческимъ, но еще свѣжимъ и звучнымъ теноромъ началъ литію. Всѣ усердно молились. Стоявшій около дома народъ тоже молился.

Литія окончилась. Матушка, все время стоявшая на колѣняхъ около кресла съ сухими, воспаленными глазами — подошла къ гробу. Было что то страшное въ выраженіи ея лица. Плотнo стиснутыя губы, нахмуренный лобъ, — точно она что то все старалась вспомнить, отсутствіе слезъ, все это заставляло бояться за бѣдную женщину.

Всѣ потупили глаза. Никто не смѣлъ взглянуть въ лицо несчастной матушкѣ.

Она какъ-то неестественно наклонилась надъ гробомъ, прильнула къ рукамъ покойнаго и долго-долго не могла оторваться отъ нихъ.

Старикъ-протоіерей подошелъ къ ней, нѣжно отвелъ ее отъ гроба и ласковымъ, дрожавшимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ:

— Ну, будетъ, будетъ! Полноте убираться, матушка.

А у самого слезы катились изъ глазъ.

— Что же, вы? Берите скорѣе, — строго проговорилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ, но эта видимая строгость нисколько не гармонировала съ его заплаканнымъ лицомъ и дрожавшимъ отъ слезъ голосомъ.

Діаконы и священники подняли на полотенцахъ гробъ и суетливо начали выносить его изъ дома.

Предъ домомъ была толпа — тысячи въ двѣ человекъ. Предъ вынесеннымъ изъ дома гробомъ опять началась литія. Въ это время печальная процессія устраивалась и вытягивалась по направленію къ церкви.

Во все продолженіе недалекаго пути пѣлись литіи, такъ что нѣсколько десятковъ сажень, отдѣлявшіе домъ священника отъ церкви, — были пройдены едва только въ полчаса.

Печальный перезвонъ колоколовъ, плачь въ толпѣ народа, убитые горемъ родные и знакомые почившаго, громадная толпа народа — все это вмѣстѣ составляло такое печально-горестивое зрѣлище, что невольно появлялись слезы, и даже самые холодные, суровые люди чувствовали какую-то тяжесть, какое-то тоскливое давленіе, при видѣ этой

картины. Радостный, ликующій видъ природы еще сильнѣе отгѣнялъ печальный характеръ процессіи.

Послѣ обѣдни, стройно пропѣтой соборнымъ хоромъ изъ сосѣдняго города, начался торжественный обрядъ священническаго отпѣванія.

VII.

Духовенство, родственники покойнаго о. Андрея и нѣкоторые изъ знакомыхъ были приглашены на «поминокъ».

Весь домикъ о. Андрея былъ наполненъ столами. Стоялъ чай и закуска.

Какъ только приглашенные собрались въ домъ, началось служеніе великой панихиды, послѣ которой былъ предложенъ чай.

За чаемъ начался оживленный разговоръ. Говорили больше объ о. Андреѣ.

Скоро завязался споръ. Старикъ-протоіерей заспорилъ съ о. Петромъ относительно мотивовъ, которыми руководился въ своей примѣрной пастырской дѣятельности покойный о. Андрей.

— Нѣтъ, позвольте,—горячился о. Петръ—покойный всегда имѣлъ въ виду любовь. Любилъ онъ, потому и дѣлалъ...

— Ошибаетесь, сто разъ ошибаетесь,—говорилъ протоіерей.—При чемъ же тутъ любовь, когда достаточно было сознанія своего долга. О. Андрей хорошо сознавалъ, что онъ долженъ всѣ силы свои посвящать на служеніе ближнимъ,—и посвящалъ. Напримѣръ. Возьмемъ хоть послѣдній случай. Развѣ это не по долгу дѣлалъ о. Андрей, когда поѣхалъ причащать старуху?! Онъ сознавалъ, что нужно ѣхать, что онъ *долженъ* ѣхать (протоіерей сдѣлалъ удареніе на словѣ «долженъ»). Этого было достаточно, чтобы онъ поѣхалъ. Нѣтъ, сознаніе своего долга—великое дѣло.

Протоіерей благодушно вздохнулъ и оглянулъ всѣхъ присутствовавшихъ. Всѣ слушали споръ.

Прочитавши на всѣхъ лицахъ молчаливое согласіе съ своими словами, протоіерей снова заговорилъ, обращаясь къ о. Петру.

— Ну, что же? Развѣ не сознаніе долга высказалось въ послѣднемъ подвигѣ о. Андрея!?

— Нѣтъ о. протоіерей — я думаю иначе, — заговорилъ о. Петръ. Его глаза смотрѣли помимо протоіерея, куда-то безцѣльно въ сторону.

— Я думаю, что не долгъ, а именно, любовь. Видите-ли. Приѣзжаютъ къ о. Андрею мужики, зовутъ его причащать умирающую старуху, которую, какъ мнѣ сказывали,—покойный зналъ и высоко цѣнилъ. Хорошо-съ. Ночь бурная. Рѣка расшумѣлась до нельзя. Переправа опасна настолько, что только сумашествіе или самая крайняя нужда могутъ выгнать человѣка на рѣку. Что чувствовалъ о. Андрей? Развѣ сознаніе долга,—это сухое, холодное, отвлеченное сознаніе—могло такъ сильно подѣйствовать на его рѣшимость, что онъ поѣхалъ?! Развѣ оно

одно могло пересилить любовь къ жизни, къ близкимъ роднымъ и знакомымъ, страхъ смерти, — почти очевидной, — сознание того, что не осудятъ люди, если онъ и не поѣдетъ и т. д.?! — Нѣтъ. Тутъ — другой мотивъ. Онъ прежде всего, вѣроятно, вспомнилъ, представилъ себѣ бѣдную, измучившуюся, изстрадавшуюся старуху, которая съ понятнымъ ветерпѣніемъ ждетъ его съ послѣднимъ земнымъ утѣшеніемъ. Онъ, несомнѣнно, вспомнилъ, какъ нашъ народъ боится умереть безъ причастія и покаянія, какъ жалѣетъ тѣхъ, кто не сподобился получить разрѣшеніе грѣховныхъ узъ, и въ послѣдній разъ вкусить Тѣла и Крови Господа!..

— О. Петръ передохнулъ... Всѣ съ любопытствомъ слушали его горячую, нервную рѣчь.

— Онъ рисовалъ себѣ печальнѣйшую изъ печальныхъ картинъ. На широкой лавкѣ, разметавшись, лежить умирающая старуха.. Она постоянно спрашиваетъ, не пріѣхалъ-ли батюшка, послали-ли за нимъ... Въ ея голосѣ слышится тревога... Она тревожно прислушивается къ завываніямъ вѣтра.. Каждый разъ, какъ отворяютъ дверь, она зорко глядитъ къ порогу: не пріѣхалъ-ли желанный, ожидаемый ею батюшка... Въ ея потухающихъ глазахъ можно прочесть страшную нравственную борьбу, необыкновенныя душевныя муки... Ея душу угнетаетъ одна неотвязчивая дума: неужели батюшка не успѣетъ? неужели ей придется умереть, не сподобившись?.. Страхъ, вполне понятный для искренняго и сердечно вѣрующаго христіанина, — страхъ умереть, не покаявшись, — парализуетъ ее. Она страшно мучается...

— Видитъ о. Андрей такую картину и въ сердцѣ его загорается любовь къ этой бѣдной старушкѣ. Онъ страдаетъ вмѣстѣ съ нею. Онъ торопится ѣхать. Онъ спѣшитъ, чтобы облегчить страданія несчастной, чтобы утѣшить kloкочущую въ ея душѣ бурю... Мысль о пастырскомъ долгѣ далеко отъ него. На ея мѣстѣ стоитъ мысль о томъ, что его ждутъ, страдальчески ждутъ, что минуты его ожиданія становятся часами, днями, мѣсяцами, — пожалуй, даже — годами. Онъ страдаетъ со старухой, мучается съ ней... Его сердце переполнено сострадающей любви...

Гдѣ же тутъ сознание долга? Гдѣ же мысль о пастырскихъ обязанностяхъ?

О. Петръ вопросительно смотрѣлъ на протоіерея. Тотъ молчалъ. Молчали и остальные, съ крайнимъ интересомъ слушавшіе о. Петра. Нарисованныя имъ картины, видимо, подѣйствовали на всѣхъ.

— Ваша психологія, пожалуй, будетъ вѣрна, — принужденъ былъ согласиться протоіерей.

— Дѣйствительно, состраданіе къ умирающей старухѣ или, какъ вы называете, — сострадающей любовью могла сильно подѣйствовать на рѣшеніе о. Андрея. Но все таки и сознание долга... попробовалъ слабо возразить онъ.

Но по всему было видно, что если онъ и возразилъ, то только для поддержанія своего авторитета.

О. Петръ понялъ это и согласился, что можетъ быть и сознание долга руководило о. Андреемъ, но что все таки — главною причиною его рѣшимости на опасный путь была любовь.

Присутствующіе вполне согласились съ нимъ.

VIII.

Оставшись одна, послѣ разъѣзда родныхъ и знакомыхъ, молодая вдова почувствовала такую пустоту, такую беспомощность, что страхъ и глубокое отчаяніе овладѣли ею.

Испуганныя дѣти смиренно сидѣли на диванѣ и шепотомъ переговаривались между собой.

Вдова сидѣла на креслѣ, въ залѣ. Безъ омовное отчаяніе отражалось во всей ея фигурѣ. Она думала о своей потерѣ, о своей будущности, о сиротахъ — дѣтяхъ. Мысли пробѣгали въ ея головѣ съ страшною быстротою. Печальныя картины будущаго чередовались съ печальными воспоминаніями о только что пережитомъ. Вдругъ она вскочила съ кресла и съ громкимъ воплемъ упала на колѣна предъ иконою Спасителя.

— Господи! Господи! сильнымъ шепотомъ заговорила она, судорожно ломая поднятыя кверху руки.

— Неужели Ты оставишь насъ? Неужели бросишь насъ — горькихъ, беспомощныхъ, нуждающихся?

Ея глаза такъ и впились въ икону, точно она ждала отъ нея отвѣта.

Ликъ Спасителя казался ей сурово-укоризненный. Точно Онъ хотѣлъ остановить неразумные вопросы пораженной страшнымъ горемъ женщины.

— Вѣдь, Ты — любовь. Ты самъ пострадалъ изъ-за любви. Неужели же Ты не сохранишь насъ, которые тоже — жертва любви? Андрюша погибъ изъ-за любви. Всѣ это говорятъ, и я сама знаю что это такъ...

Она судорожнымъ движеніемъ встала, глаза блестѣли.

— Нѣтъ, — почти закричала она. — Нѣтъ! Ты не дашь намъ погибнуть. Я вѣрю въ это... Я вижу это...

Сурово укоризненный ликъ Спасителя исчезъ. Съ иконы глядѣлъ на нее вроткій, любящій, сострадающій Христосъ. На развернутомъ евангеліи, которое Онъ держалъ въ рукахъ, — ярко горѣли слова: «Придите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененіи, и Азь упокою вы»!.

(«Ист. Соб.»).

Редакторъ, ректоръ семинаріи,

протоіерей К. Добрянскій.